

18+

АСЯ ДАМАНСКАЯ

Хроники семейных катаклизмов

Ася Даманская

Хроники семейных катаклизмов

«Издательские решения»

Даманская А.

Хроники семейных катаклизмов / А. Даманская — «Издательские решения»,

Старуха с маленькой девочкой сидели на скамейке возле нашего дома в ту ночь, когда мы с мужем вернулись с дачи после празднования 7-летия нашей дочери.— Здравствуй, Виктор. Помнишь меня? Я — мать Лидии. Она умерла месяц назад, онкология. Я тебе дочь твою привезла. Вот так, после восьми лет счастливого брака, прямо в день рождения моего ребёнка, я узнала об измене мужа и о том, что у него есть дочь от другой женщины. С того дня и начались Хроники наших семейных катаклизмов. Книга содержит нецензурную брань.

© Даманская А.

© Издательские решения

Содержание

РОМАН	6
ПРОЛОГ	6
Глава 1. Про дочь моего мужа	13
Глава 2. Про мою маму	19
Глава 3. Про служебную собаку и проблемы со здоровьем	23
Глава 4. Про бабушку Дусю, её квартиру и Гавриловну	28
Глава 5. Про ошибки молодости, запоздалые раскаяния и обидные недоразумения	34
Глава 6. Про нищету и безысходность	41
Глава 7. Про трещины в броне	49
Глава 8. Про Нинель	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Хроники семейных катаклизмов

Ася Даманская

© Ася Даманская, 2026

ISBN 978-5-0069-7634-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ася Даманская

РОМАН «ХРОНИКИ СЕМЕЙНЫХ КАТАКЛИЗМОВ»

ПРОЛОГ

Москва, начало января, за год до наших дней.

Ночной клуб «Сумбур».

Захар Гордеев

В тот вечер в популярном ночном клубе было как всегда шумно, многолюдно и вполне привычно для заведений подобного рода, особенно, сейчас, в разгар новогодних праздников. Однако, привычно мне было ровно до тех пор, пока мы с моим другом и деловым партнером, Алексеем Ермолиным, спокойно пили кофе за дальним столиком в лаунж-зоне, в ожидании моей любимой жены (адвоката Анны Ланевской), которая должна была подъехать в клуб с минуты на минуту. Но неожиданно Алексей странно напрягся, всматриваясь во что-то за моей спиной. А потом с непередаваемым выражением лица толкнул меня в плечо и молча кивнул в сторону бара, вынуждая обернуться.

В полутьме зала, в сиянии иллюминации и в отблесках светомузыки, я с изумлением увидел свою полуголую жену, танцующую на барной стойке под улюлюканье пьяной публики, вспышки фотокамер и пошлые комментарии посторонних мужиков. Разгоряченные и нетрезвые посетители клуба уже откровенно лапали находящуюся на барной стойке девочку, пока она, глупо хихикая, не слишком умело извивалась под гремящую на весь зал популярную композицию. Вульгарно и непривычно одетая, очень сильно не трезвая, растрепанная и какая-то взбудораженная, эта женщина просто не могла быть Анной Ланевской. Но повода не доверять собственным глазам у меня не нашлось.

Стерлядь! Это что ещё такое!?

Ничего не понимая, я резко выдохнул и направился к бару, разобраться, что происходит.

У барной стойки уже образовалась целая толпа зевак и блогеров, увлеченно снимающая на телефоны творящееся на импровизированной сцене непотребство. Однако подойдя ближе я вдруг понял, что публику ночного клуба эпатируем вовсе не адвокат Ланевская. Удивительно похожая на Анюту девушка была выше и крупнее, с более резкими чертами лица и совсем иными формами и изгибами тела. Я бы даже сказал, что эта девушка не столько похожа на мою жену внешне, сколько намеренно причёсана и загримирована так, чтобы казаться похожей. Перепутать, конечно, можно, но только в полумраке клуба и издали. И при условии, если не знать хорошо настоящую Аню.

Чей-то злой розыгрыш? Идиотская шутка? Происки недобросовестных конкурентов, призванные бросить тень на репутацию серьёзного адвоката?

Однако прежде, чем я успел что-либо предпринять, музыку вдруг резко выключили, в зале врубили яркое освещение и внимание разгоряченной толпы посетителей ночного заведения нахально перетянула на себя близкая подруга моей жены, рыженькая бестия по имени Василиса. Она работала в этом клубе и обеспечивала юридическое и административное сопровождение «Сумбура», со всеми вытекающими полномочиями и возможностями. Но, помимо этого, Василиса была популярным светским блогером, поскольку место её работы постоянно обеспечивало массу поводов для скандальных новостей и вызывало интерес модной тусовки к самому клубу, (чем Василиса охотно пользовалась, заведя свой блог в соцсетях). Поэтому

прямо сейчас «Златовласка из Сумбура» вела прямую трансляцию очередного шокирующего ролика для своих многочисленных подписчиков.

— Друзья мои, сегодня в наш ночной клуб забрела скандально известная светская львица — Аделина Мирошниченко, — и подруга моей жены демонстративно перевела камеру на барную стойку, где сейчас с недовольной миной стояла нетрезвая, вызывающе раздетая, но, все равно, очень хорошенькая девушка, издалека похожая на мою жену.

Бармен и пара крепких ребят из службы безопасности клуба предлагали ей добровольно спуститься вниз, но девица упрямо упиралась, и даже отбивалась от безопасников своей миниатюрной сумочкой со стразами.

— Аделина снова сменила образ! — тем временем продолжала свой репортаж Василиса. — Но, как по мне, на этот раз совсем не удачно! Привет, Адель! Помашки нам ручкой! — ехидно предложила Василиса. — Неужели тебе мало танцпола? Зачем ты залезла на барную стойку? Решила быть поближе к коктейлям?

— Я не Адель! — возразила вдруг девушка на стойке с вызовом, и даже откинула с лица волосы, чтобы её было лучше видно.

Василиса сделала знак парню из службы безопасности и тот выхватил из рук девушки маленькую сумочку, которой та упрямо пыталась бить его по голове. В следующее мгновение на барную стойку лёг открытый паспорт хозяйки агрессивной сумочки. Василиса навела на паспорт камеру смартфона, чтобы продемонстрировать зрителям, что перед ними действительно Аделина Константиновна Мирошниченко, собственной нетрезво-раздетой персоной. Да, профессиональные юристы — они такие! Даже светские сплетни преподносят не просто так, а сразу подтверждая их неоспоримыми доказательствами, (вероятно, чтобы потом не тратить время и нервы на споры с администраторами сторонних интернет-ресурсов, размещающих непроверенный контент).

— Вот видите, дорогие мои подписчики, к чему приводит неумеренное употребление крепкого алкоголя? Бедняжка Аделина забыла собственное имя, и теперь пытается убедить всех в том, что она — это не она! Но мы-то с вами знаем правду! Так что, друзья мои, будьте осторожны, фильтруйте сплетни и не ведитесь на провокации! Особенно, если вас начнут убеждать в том, что сегодня вечером на барной стойке в клубе «Сумбур» танцевала какая-то другая девушка. Не верьте всему, что видите, а если сомневаетесь, спросите у меня!

— *ука! — взвизгнула Аделина, которую прямо сейчас безопасники стащили с барной стойки.

— И я тебя люблю, Аделина! — ехидно проворковала ей вслед Василиса. — Увидимся, когда протрезвеешь! Расскажешь мне и моим подписчикам, что это на тебя сегодня нашло?! Друзья мои, с вами была «Златовласка из Сумбура»! Обнимаю вас! Подписывайтесь на мой канал и будьте в курсе горячих новостей нашего клуба! Делитесь своими впечатлениями от выходки Аделины Мирошниченко в комментариях!

Василиса отключила трансляцию и обратилась к безопасникам клуба:

— Уберите её отсюда и больше не пускайте!

— Ну и что у нас опять происходит? — услышал я совсем рядом сдержанно-серьезный голос жены, которая, не заметив меня в толпе, остановилась рядом со своей подругой.

Вероятно, Аня только что приехала, поэтому не успела насладиться представлением с самого начала.

— Ничего нового, — хмыкнула ей в ответ рыженькая Василиса. — Всё как обычно! Аня, а можно я возьму лицензию на отстрел твоих ненормальных кузин, а?

— Не стоит, Вась. Мне лень вытаскивать тебя из СИЗО из-за чокнутых неадекватов, — усмехнулась Аня.

Кузина? Эта девушка на барной стойке — двоюродная сестра моей жены? Серьёзно? Наверное, поэтому они так похожи, всё-таки родственники.

Хотя, вблизи их перепутать сложно!

Но это я знаю Анюту давно и достаточно близко, (хотя женаты мы всего неделю). И даже я обознался в первые минуты, потому что в полумраке ночного клуба в глазах уже рябило от иллюминации. И не удивлюсь, что если бы не своевременное вмешательство рыженькой бестии, то уже через четверть часа интернет взорвался бы громкими новостями, о том, что знаменитый адвокат Анна Ланевская танцует пьяная и полуголая на барной стойке.

Жесть! Скольких серьёзных клиентов могла потерять сегодня моя жена из-за дурацкой выходки своей кузины?

Подозреваю, что после подобного грязного скандала опровержение сплетен и восстановление репутации, заняло бы слишком много времени, сил и нервов. Но, по примеру серебряных ложек, такие некрасивые истории обычно оставляют свой неизгладимый осадок на долгие годы.

Кузина, стерлядь! Каким местом думает эта ненормальная идиотка? Или она это сделала намерено? Не просто так ведь она сказала Василисе, что она — не Адель. Хотела выдать себя за Аню? Зачем?

Нет, я, конечно, уже неоднократно слышал, что у Ани не слишком вменяемые и адекватные двоюродные сестры, но, к счастью, пока не был знаком с ними лично, поскольку мы с Анютой поженились совсем недавно.

Однако прежде, чем я добрался до своей любимой женщины, Аню уже окружили коллеги Василисы, светские сплетники-репортёры, с мобильниками. В модном ночном клубе этих товарищей водилось по десятку на квадратный метр. Разве могли они пропустить намечающийся скандал в благородном семействе, или остаться в стороне от горячей свежей сплетни, с участием младшей дочери грозного генерала Мирошниченко? Разумеется, нет!

— Анна, как вы относитесь к безумной выходке вашей двоюродной сестры?

— Никак, — привычно бросила в ответ адвокат Ланевская, включая невозмутимого профессионала, словно была в суде. — Я не имею никакого отношения к глупым выходам своих родственников.

— Анна, как вы думаете, почему ваша сестра вдруг стала так сильно похожа на вас? Она намеренно вам подражает?

— Задайте этот вопрос ей!

— Аня, вы злитесь на сестру?

— Нет. Пока мне не ясны её мотивы, для злости нет достаточных оснований.

— Аня, а что вы сами делаете в ночном клубе?

— Отдыхаю здесь с мужем, — ответила Аня.

— Анна, когда вы вышли замуж?

Как раз на этом вопросе я, добравшись, наконец, до жены, тут же спрятал моё сокровище в крепких объятиях.

— Всё-всё, господа, — пресек я попытки блоггеров продолжать задавать вопросы, — вам сейчас самое время обратить внимание на Аделину Мирошниченко, пока её не выгнали из клуба. Хорошего всем вечера.

Часть светских сплетников, ожидаемо, вняли моему мудрому совету и побежали снимать ребят из службы безопасности клуба, в руках которых извивалась нетрезвая барышня, насильно уводимая парнями на выход из зала. Часть других попыталась выяснить, кто я такой, и продолжила снимать нашу пару. Однако, ребята из службы безопасности ночного клуба пресекли попытки нахальных блоггеров испортить нам этот вечер ещё сильнее.

— Привет, — шепнул я, обнимая мою девочку крепче, и увлекая её в сторону нашего столика.

— Привет, — устало улыбнулась Аня, на ходу подставляя губы для поцелуя.

Рыженькая бестия Василиса, подошла к нашему столику практически следом за нами. Подруга заботливо заглянула Аняте в глаза и спросила, не присаживаясь.

— Ты в порядке?

— Всё нормально, Вась, не волнуйся, — чуть поморщилась Аня, давая понять, что ей не слишком приятна тема с отвратительной выходкой её кузины.

— А я волнуюсь, — возмущенно возразила Василиса. — Потому, что мы обе знаем, с какой целью она всё это устроила. Анют, согласись, сегодня был явный перебор.

— Анют, а почему я раньше не замечал, что вы с Аделиной так поразительно похожи? — задумчиво спросил вдруг мой друг Ермолин. — Я реально думал, что это была ты!

— Уверяю тебя, именно на это и был расчёт, — невозмутимо усмехнулась Анята.

— Не знал, что ты знаком с Аделиной, — удивился я словам Алексея.

— Пересекались несколько раз на тусовках, — ответил друг. — Барышня весьма экстравагантная и ненормальная, совершенно без тормозов.

— Отмороженная она, причём на всю голову, — недовольно буркнула Василиса. — Но примерять на себя твой образ, Ань, это уже перебор!

— Согласен, — усмехнулся Ермолин. — Стопроцентный явный перебор. Ни хрена, у вас весёлая семейка, Ань!

— Не преувеличивайте, друзья мои, — невозмутимо хмыкнула Анята. — Явный перебор был семь лет назад, когда старшая кузина Лерочка забеременела от моего жениха и сорвала мою свадьбу. Показательным было даже то, как средняя кузина Полина вышла замуж, будучи уверенной, что уводит у меня мужчину. А сегодняшняя выходка младшей кузины Аделины — это так, ничего особенного, жалкое подобие низкопробного бурлеска, которым Адель навредила лишь себе.

— Вы их лечить не пробовали? — скептически уточнил Ермолин, демонстрируя всю степень своего отношения к произошедшему идиотизму.

— По-моему, это называется «стойкий иммунитет на чужое скудоумие», — произнёс я, комментируя спокойную реакцию жены на сегодняшнюю выходку её двоюродной сестрицы.

Хотя, если честно, иного я и не ожидал. Не тот человек, Анна Ланевская, чтобы устраивать публичные выяснения отношений.

— По-моему, ты слишком лояльна к Адель, Ань. Я думаю, что её давно пора поставить на место! — заявила Василиса и устало плюхнулась на диван рядом с Ермолиным.

— Я обязательно подумаю над твоим предложением, Васильонь. Обещаю! — сдержанно улыбнулась Анята.

Я был полностью согласен с рыженькой оторвой. Хотя, на мой взгляд, она подобрала не слишком точную формулировку. Здесь давно и не пахло «перебором». Это дерьмо в их семье приобрело стойкий характер массового психического расстройства. Ермолин был прав, Аниных кузин нужно лечить. Потому, что, с моей точки зрения, ничем иным, как острым заболеванием психики подобные выходки по отношению к собственной двоюродной сестре, оправдать было невозможно.

Что происходит в этой семье? На протяжении многих лет три избалованные, во многом странные, и, на мой взгляд, мало вменяемые дочери генерала Мирошниченко, участвовали в своеобразном соревновании, целью которого было *нагадить* моей супруге. Какие-то комплексы, родом из детства, подростковые обиды, стадный инстинкт, банальная зависть, месть или затянувшееся пари, в которое до сих пор продолжали играть великовозрастные светские бездельницы, чудесно живущие на содержании своего авторитетного отца и богатого деда?!

Что не поделили эти девушки? И почему объектом их многолетних нападков стала именно моя безупречная жена?

Сама Аня, кстати, относилась к отчётливому идиотизму в своей семье весьма философски. Они с дедом (крупным бизнесменом и весьма адекватным дядькой, Виктором Беркуто-

вым) ещё много лет назад договорились не обижаться на «убогих» членов своей семьи, и воспринимать их, как данность, или как тренажер от розовых иллюзий. И судя по тому, как сейчас спокойно реагирует на случившийся инцидент моя девочка, она давно и прочно «забила» на своих невменяемых родственников и их жалкие попытки испортить ей жизнь. На мой взгляд такое показательное равнодушие к выходкам кузин — это и был самый идеальный и наиболее действенный способ разочаровать их, сохранив при этом достоинство.

К слову сказать, выросла Аня в этом серпентарии на зависть всем. И это во мне сейчас говорит вовсе не влюблённость. Моя жена, реально, была в моих глазах женщиной, идеальной во всех отношениях: красивой, умной, образованной, успешной и совершенно адекватной. В отличие от своих кузин.

Мы с женой непременно вскоре забыли бы об этом сомнительном инциденте. Во-первых, потому что у молодожёнов есть масса более приятных способов провести время. Во-вторых, не слишком разумно портить себе настроение в разгар новогодних каникул. И, в-третьих, мы с Аней оба занятые люди, и предпочитаем не придавать большого значения чужим глупостям и не тратить время на ерунду. Ибо на всех встречаемых идиотов жизни не хватит.

Однако, тем же вечером Аня позвонила её бабушка, не менее безупречная, чем моя жена, леди Алевтина Беркутова. Эпитет «леди» в отношении Алевтины Егоровны пришёл мне на ум довольно давно и как-то сам собой. Просто ещё в день нашего с ней знакомства, случившегося более четырех лет назад, подобрать иного, более подходящего определения этой статусной женщине я не сумел. А с момента начала близких отношений с её внучкой, эпитет «леди» прочно закрепился в наших с Аней домашних диалогах.

До бабушки уже дошли слухи о безумной выходке внучки Аделины, и Алевтина Егоровна деликатно интересовалась, как себя чувствует ее любимица Аня. Аня в свою очередь сдержанно успокоила бабушку и заверила её, что всё в порядке.

Когда моя жена закончила телефонный разговор со старшей родственницей, я все-таки задал давно интересующий меня вопрос:

— Аня, как такая женщина, как леди Алевтина, могла допустить, чтобы её внучки выросли такими распушенными мерзавками?

Вопрос был обоснованным. Я давно был знаком с этой семьёй, точнее, с её старшим поколением. С будущей женой меня познакомил как раз Анятин дед, крупный бизнесмен Виктор Беркутов, занятый, как и я сам, в сфере строительного бизнеса. И у меня не было оснований сомневаться в его здравомыслии и порядочности. Чуть позже мне посчастливилось быть представленным его супруге (Аниной бабушке) и старшей дочери (Аниной матери). От знакомства с этими милыми женщинами у меня остались самые положительные воспоминания.

Более того, бабушка Аня, Алевтина Егоровна Беркутова, с первых минут произвела на меня неизгладимое впечатление. Это была безукоризненно-элегантная зрелая дама без возраста, с аристократическими повадками и образцовыми манерами, но при этом не чопорная и не высокомерная, а искренняя и хрупкая. Леди Алевтина была из той породы женщин, которых уважаешь и ценишь, которых хочется беречь и защищать, заботиться и поддерживать. Поэтому, гораздо позже познакомившись с её очаровательной внучкой, я совсем не был удивлен тому, что моя ненаглядная супруга, под влиянием такой бабушки, выросла женщиной, от которой захватывает дух.

Но вот Анятины двоюродные сестры, три внучки леди Алевтины от другой дочери, были, мягко говоря, отмороженными мажорками и негодяйками, и не имели никаких представлений ни о манерах, ни о воспитании, ни о репутации семьи, ни даже о границах допустимого. И я искренне не понимал, как такое возможно?

— Аня, что не так с твоими кузинами? Откуда столько ненависти и подлости? Как твоя бабушка на это смотрит?

— Мои двоюродные сестры — это зеркало тётушки Зинаиды, их матери, — спокойно просветила меня Аня в тот вечер. — Просто матушка моих кузин всегда очень рьяно и искренне ненавидела всю женскую половину семьи Беркутовых. И умудрилась передать эту ненависть по наследству своим дочерям.

Аня вдруг задумалась на пару мгновений и грустно произнесла, вероятно, кого-то цитируя:

В горячем пекле личных драм,
Из поколенья в поколенья,
Мы тонем, чтобы дочерям
Оставить опыт в наставленья...

— Не понял, — нахмурился я. — Женская половина семьи Беркутовых, это твоя бабушка, твоя мать и вы с твоей старшей сестрой, верно?

— Абсолютно, — кивнула Аня со спокойной улыбкой.

— Подожди, — уточнил я. — Ты хочешь сказать, что матушка твоих кузин... кхм... ненавидела собственную мать, сестру и племянниц?

— Не совсем так, — с каким-то внутренним протестом ответила Аня, словно прямо сейчас решала для себя скользкий вопрос, стоит ли ворошить «грязное бельё» или будет достаточно отделаться общими фразами.

Я очень давно и, смею надеяться, неплохо знаю Анну Ланевскую. Поэтому, почувствовав сейчас ее сомнения, сам замер в напряженном ожидании ответа. И вовсе не потому, что жаждал услышать очередную сплетню про взаимоотношения ее родственников, или меня интересовали грязные подробности их семейных драм. Вовсе нет. Плевать я на них хотел, если честно. Сейчас меня больше волновала *наша* способность говорить на любые, даже самые неприятные темы. Меня остро интересовал вопрос взаимного доверия непосредственно *в нашей* новорожденной семье (которой была всего лишь неделя). Мне хотелось услышать от собственной жены *её* личную оценку всей этой бредовой ситуации, и получить *её* объяснения причин давно существующей проблемы. И в настоящий момент основным, и актуальным для меня был вопрос о том, насколько Аня готова быть со мной откровенной? Со мной, со своим мужем?!

К моему огромному облегчению, Аня меня не разочаровала.

— Зинаида Мирошниченко, в девичестве Беркутова, не дочь моей бабушки, Захар. Тётушка Зина — дочь моего деда от другой женщины, — наконец произнесла моя жена глухо.

— Вот, в чём дело! — осознал проблему я (даже с некоторым облегчением). — Не знал, что у Виктора Александровича это не первый брак.

— Не было никакого другого брака, Захар, — вдруг жёстко возразила Аня. — Зинаида была на год младше моей матери.

А вот это уже серьёзно!

Я замер, понимая, к чему она клонит. Ребёнок от любовницы, рожденный практически сразу после того, как собственная жена родила? Нет! Виктор Александрович не мог! Да ведь он со своей жены пылинки сдувает...! Или мог? Судя по реакции его внучки (с которой он тоже сдувает пылинки), я многого не знаю о бурной молодости своего новоявленного родственника.

— Мой дед никогда не был женат ни на ком, кроме моей бабушки, — сдержанно сообщила Аня, глядя в сторону, но было весьма заметно, насколько эта тема ей неприятна.

Тема мужской измены вообще редко когда приятна для любой нормальной женщины. Но теперь мы с Аней — семья, самые близкие, самые родные люди. И, кажется, настало время объяснить мне, что происходит в безупречном и внешне респектабельном клане Беркутовых?

— Не было другого брака, — грустно повторила Аня. — Был просто молодой женатый мужчина, только что ставший отцом. И была длительная командировка, результатом которой

стала унижительная и оскорбительная для моей бабушки связь деда с другой женщиной. А тётушка Зинаида была закономерным результатом той самой... связи.

В целом, пока ничего криминального или объясняющего сегодняшнюю выходку Аделины Мирошниченко. Да, неприятно, но ведь не критично, верно? Или, что наиболее вероятно, я просто пока вообще не представляю себе масштаба этой семейной трагедии.

— Расскажешь? — негромко попросил я.

— Эта история началась ещё в прошлом веке, — грустно улыбнулась мне жена. — И она не обо мне или о моих ненормальных кузинах. Она о непоправимых ошибках молодости и цене предательства. В общем, это очень долгая и печальная хроника наших внутренних семейных катаклизмов.

— А разве мы куда-то торопимся? — удивился я.

Глава 1. Про дочь моего мужа

Вместо эпиграфа

Написана лишь первая глава,
И я пока не знаю, как все будет!
Оденутся в текст чувства и слова,
И улыбнётся Бог сквозь призмы судеб.
Событий важных резкий поворот,
И острые осколки чьих-то жизней.
Сюжет про смысл, про выбор, про полёт,
Про право быть и не бояться мыслить!
Про право чувствовать, про право уходить,
Про право возвращаться к тем, кто любит.
Про выбор «упрекать» или «простить»,
Про «снова вместе и давай забудем»!
Про право ошибаться, не любить,
Про шансы, когда можно все исправить.
Про счастье женщину свою боготворить,
Про право быть собой, не идеальным.
У нас у каждого свой путь, своя судьба,
У всех свой выбор и свои пороки.
Но очень ценно, когда есть *СЕМЬЯ* —
Те, за кого в ночи мы молим Бога.
И лишь пройдя нелёгкий этот путь,
Осмыслив мир, пленительно-жестокий,
Ты осознаешь, важно не свернуть,
С такой непредсказуемой дороги...
(автор стихов Ася Даманская)

Алевтина Беркутова

Вся моя жизнь — это нескончаемая череда жестоких уроков, многие из которых дались мне невыносимой болью, кровью разбитого сердца и муками истерзанной совести. И самое отвратительное заключается в том, что большую часть всех этих мук я испытала по вине людей, которые по какому-то нелепому и глупому недоразумению считались моей семьей.

Москва. Начало 1980х.

Алевтина Беркутова

Семилетие нашей обожаемой Сонечки мы с Виктором праздновали на широкую ногу, проведя несколько чудесных июньских дней на даче в Переделкино, в кругу друзей и близких. Однако, в тот воскресный вечер нам все же пришлось возвращаться в Москву потому, что и мне, и моему мужу на утро необходимо было быть на работе.

Был поздний летний вечер, и уже сильно стемнело, поэтому я и обратила внимание на пожилую женщину, сидящую на скамейке у нашего подъезда с маленькой девочкой, примерно того же возраста, что наша Сонечка. Ребёнок, вытянувшись на скамейке, спал, положив голову старушке на колени. Я окинула странную пару недоуменным взглядом, планируя как бы мне

побыстрее вымыть свою, тоже уже клюющую носом малютку, которая была немногим старше мирно спящей на лавочке девочки, и сейчас висела на плече у своего отца, на ходу засыпая после утомительной дороги с дачи.

Я прошла мимо скамейки и уже поднималась на крыльцо, когда услышала за спиной уверенный и достаточно громкий женский голос.

— Здравствуй, Виктор Александрович. Помнишь меня? Я — мать Лидии.

Я обернулась удивленно, и застыла, глядя на мужа. Я бы не придала никакого значения словам пожилой женщины, если бы не его, уж слишком показательная реакция. Виктор вдруг замер, растерянный и оглушенный, как-то особенно отчаянно вцепившись в дремлющую у него на руках Сонечку. И самым страшным было то, что, едва бросив мимолетный взгляд на старушку и девочку, мой муж застыл каменным истуканом, не сводя с меня пронзительного взгляда, полного ужаса, вины и раскаяния (как преступник, уже признавшийся в страшном преступлении и теперь покорно ожидающий приговора). Мне, профессиональному следователю-криминалисту (и просто женщине), было достаточно лишь этого взгляда, чтобы понять, что прямо сейчас его чистосердечное признание вдребезги разобьёт мою жизнь, моё сердце и мою счастливую семью.

Я не хотела! Я ещё не верила! Я пока не до конца осознала! Но я уже всё поняла. Чувствовала, что права, но ещё отчаянно цеплялась за хрупкую надежду, что ошиблась. Молила его в безмолвном крике отчаянного страха.

Витенька, родной, это же неправда? Да? Скажи мне, что я всё неправильно поняла!

Я ждала, что муж сейчас улыбнётся, как всегда, немного насмешливо и чуть снисходительно, что он всё объяснит, успокоит, найдёт логичное и простое оправдание этой нелепой ситуации. Но Виктор молчал, оглушённый, виноватый и потерянный, глядя на меня тяжелым взглядом, словно прощаясь. И все ответы были уже написаны на его лице огромными страшными буквами, из которых складываются слова «измена и предательство».

Он даже не смотрел в сторону скамейки, потому что, итак, прекрасно знал, тех, кто там сейчас находился. Он не отрывал своего взгляда от меня, словно этот пронзительный, немигающий, полный отчаяния и боли взгляд, мог меня удержать рядом с ним, привязать к нему, приковать, не дать уйти.

Но старушка на скамейке не оставила ему ни единого шанса оправдаться. Осмотрев невозмутимым основательным взором нашу немую композицию, она, как ни в чём не бывало, продолжила, разбивая вдребезги мой, ещё минуту назад казавшийся таким счастливым и самым надёжным брак.

— Лидия умерла месяц назад, онкология. Я тебе дочь твою привезла, Виктор. Мне самой недолго осталось, а ребенку нужна семья.

Я стояла в темноте июньской ночи, раздавленная и потерянная, пытаюсь вспомнить, как нужно дышать и не представляя себе, как буду жить дальше. Наверное, если бы я умела проявлять свои эмоции ярко, выплескивать их криком, слезами, истериками, или даже рукоприкладством, мне было бы гораздо проще пережить ту ночь. Но я так не умела, цепенея и леденея, замирая перед свалившейся на меня катастрофой, я, молча и внешне вполне достойно, переживала тот, самый первый, самый страшный катаклизм в бесконечно длинной череде свалившихся на меня проблем. Я пока ещё не до конца осознала, что именно я чувствую, раздавленная осознанием его измены. Но отчетливо помню, о чём думала, получив наглядное доказательство правдивости бабкиных слов, кудрявое, сонно-зевающее и прямо сейчас сидящее на скамейке под нашим домом. Я с болью думала о том, что ровно семь лет назад, в такую же июньскую ночь, я родила нашу Сонечку. И еще две минуты назад даже в страшном сне не могла представить, что примерно в это же время (или чуть позже) другая женщина, некая незнакомая Лидия, родила моему мужу еще одну дочь.

Над головой шумели листвою огромные тополя (или это был шум крови в моих ушах?). И сквозь этот шум я слышала лишь одно единственное слово, разделившее мою жизнь на до и после.

— Прости

Алевтина

В те ужасные дни, когда мне казалось, что мой мир рухнул, я не нашла в себе сил сделать вид, что всё в порядке и ничего не случилось. Я сознательно сделала свой выбор, приняла решение о том, что мне не нужен ни этот брак, ни этот мужчина, раз и брак, и муж оказались одной сплошной ложью. Я решила, что слишком уважаю и ценю себя, чтобы позволить так себя унижать. «Осознанное предательство», именно так я обосновала его измену. И долгие годы после этого я настойчиво напоминала себе о том, что мужчине, который унижил, оскорбил и совершенно осознанно меня предал, не место в моей жизни. Беркутов должен был понимать, каковыми могут быть последствия его поступка, поэтому, раз это его не остановило тогда, пусть сейчас сам несет ответственность за свой выбор.

Я выгнала мужа и подала на развод потому, что смириться с мыслью о его предательстве было выше моих сил.

Я не знала, что может быть настолько больно. Я не думала, что так вообще бывает, когда грудь изнутри жжет, словно каленым железом, и дышать невозможно, потому что каждый вздох дается с невероятным трудом. Я и представить себе не могла, что живой человек способен не есть целыми неделями, потому что желудок скручен в крепкий узел и протолкнуть в себя даже маленький кусочек пищи представляется совершенно невыполнимой задачей.

Раньше мне казалось, что живой человек вообще не способен жить в разорванном сердце, оказалось, что я ошиблась. Потому, что даже это возможно, только очень больно. Очень! Практически невыносимо. Днем я еще каким-то немыслимым образом старалась сохранить лицо и затолкать все эмоции и переживания глубоко внутрь себя (и мне это даже удавалось), но ещё очень долго по ночам я выла в подушку, кусая губы и отчаянно мечтая, чтобы он пришёл, обнял крепко-крепко, и больше никогда не отпускал.

В тот страшный период мои дни были пустыми, бессмысленными и бесконечно долгими, а ночи мучительно-одинокими и очень холодными. А наступившее вслед за бессонной ночью утро, накрывало мутной и муторной реальностью, опухшим от слез и отёкшим лицом, и красными воспалёнными глазами с синими кругами вокруг них, которые давно не брала никакая косметика.

Но каждое утро я заставляла себя очнуться от навязчивых и мучительных наваждений прошедшей ночи, от тревожных снов и бредовых видений, в которых он снова, как раньше, обнимал меня и согревал, а я была счастлива и любима. И мне казалось, что после этих мучительно-сладких сновидений я ненавидела и презирала его ещё сильнее, за его предательство, за его измену, за мою сломанную жизнь и разбитое вдребезги сердце.

Но потом снова наступала ночь, и мои обнаженные, туго натянутые нервы снова вопили о том, как мне невыносимо больно и тошно, и как сильно я хочу снова согреться в его горячих и надёжных руках, прижаться к его крепкой груди и забыться сладким сном, навсегда прекратив свою затянувшуюся кошмарную реальность. Это был какой-то бесконечный замкнутый круг, из которого я за много лет так и не сумела окончательно выбраться.

Ещё долгое время одинокие, томительные и бессонные ночи будут проходить тягостными, мучительно-невыносимыми спазмами, иногда разбавляемые воем в подушку, чтобы утром вымученное и обезображенное стрессом отражение в зеркале снова напомнило мне, что

всё это из-за него, что это именно он во всем виноват! Виноват настолько, что его измена оглушила меня, раздавила, уничтожила и едва не сломала.

Казалось, целую вечность после состоявшегося развода, я металась между разрывающимся на части сердцем, не готовым вычеркнуть его из жизни, и острым желанием наказать, отомстить безразличием, ударить предателя холодным пренебрежением, сделать ему также больно, продемонстрировав его ненужность. Еще долгое время после развода я царственно пресекала его бесконечные попытки поговорить, объяснить, достучаться, исправить, вымолить, выпросить, вернуть...

Я, дитя своего непримиримого времени, жертва советских светлых идеалов, гордая молодая женщина, не могла честно признаться в собственной слабости и болезненной привязанности к предавшему меня мужчине, снедаемая и изглоданная иррациональным и острым чувством публичного позора. Меня выворачивало наизнанку от одной мысли о том, что на меня теперь все показывают пальцем. Мне было так отчаянно стыдно за моё унижение, за его измену и за чужого ребёнка (стыдно перед родственниками, перед соседями, друзьями, коллегами, знакомыми), словно, это я была во всём виновата. Мне казалась, что наш развод с Виктором Беркутовым — был единственно верным способом для меня сохранить лицо, сохранить своё достоинство, не позволить гулящему мужу растоптать меня и ещё раз публично вытереть об меня ноги, уговорив после всего случившегося остаться с ним, и заставив воспитывать свою дочь.

Именно эта необъяснимая оглядка на общественное мнение, на реакцию и одобрение посторонних для меня людей (почему-то столь важную для меня в те годы), и не позволила мне поддаться уговорам Беркутова, и начать все сначала.

Я до сих пор понятия не имею, каким невероятным чудом я тогда не сошла с ума, не наложила на себя руки и не сотворила что-нибудь непоправимое. Я никогда в своей жизни не смогу забыть тот первый, самый мучительный год после развода, когда каждую минуту мне отчаянно хотелось сдохнуть, только чтобы перестало болеть....

Вот так, «хорошая девочка» с хроническим синдромом отличницы и перфекционистки, в свои двадцать шесть лет столкнулась с суровой правдой жизни, в которой не осталось места розовым иллюзиям, и стало предельно понятно, что не всё происходит так, как ей хочется. И что для прекрасного результата (и семейного счастья) мало быть просто «хорошей девочкой», и всё делать правильно.

Тогда мне казалось, что, выгоняя мужа, я сохраняю самоуважение и достоинство, категорично и безоговорочно вычеркиваю из своей жизни предателя, сохраняя своё лицо в глазах общества.

Господи, какая же глупая я тогда была, беспокоясь о мнении общества. Хотя, жизнь по принципу «а что люди скажут?» — была нормой того времени, и практически насильно вбивалась в головы с ранних детских лет.

Вот и меня воспитывали по тому же принципу. И я всегда стремилась выглядеть *хорошей и правильной* в глазах нашего окружения. Добропорядочная, респектабельная семья. Преданная жена, любящая мать, прекрасная хозяйка. Идеальная внешняя картинка, как повод для чужого восхищения, одобрения и подражания. Пройдёт много лет прежде, чем я осознаю, что людям плевать на чужие проблемы, и что жить ради одобрения посторонних (не слыша собственное сердце), значит и не жить вовсе. Пройдут годы, прежде чем я осознаю, что быть «правильной» с точки зрения общественного мнения, но в ущерб себе и своим интересам, это само-разрушительно и очень опасно.

Но тогда я ещё многого не понимала, и упрямо не хотела понимать. Я упёрлась рогом (с каким-то мазохистским удовольствием осознавая, что теперь у меня есть рога), и пошла с гордо поднятой головой упрямо отмораживать свои уши назло всем окрестным бабушкам, в отчаянной попытке доказать всему миру, себе, но, в первую очередь, *ему*, что я сама справлюсь.

Его дочь от Лидии звали Зинаида. Девочка была менее, чем на год младше нашей Сонечки. И глядя на нее, я отчётливо понимала, что никогда не смогу простить.

Семь лет назад он осознанно оставил меня в Москве, одну с новорожденным ребенком, и полгода жил в посёлке под Тверью, где его строительно-монтажное управление строило новый военный городок и какие-то секретные стратегические объекты. У него не было острой необходимости находиться там постоянно. Потому что к моменту рождения нашей Сонечки, её молодой отец, Виктор Беркутов, уже был большим начальником, и мог себе позволить жить дома, рядом со своей семьей (ну или хотя бы возвращаться домой почаще, ведь Тверь совсем недалеко от Москвы). Но он почему-то не захотел. Или, может быть, так ему было удобнее. В Москве ждала усталая и измученная бессонными ночами и сложными родами жена с маленьким крикливым ребёнком, а там, в поселке под Тверью, была безотказная и простая деревенская баба, которая не смела повыситься голос, радовалась пестрому платку в подарок, и преданно грела постель, ничего не требуя взамен, ничего не ожидая и ни на что не надеясь. Виктору просто так было удобно (как и абсолютному большинству мужчин, изменяющих своим женам в твердой уверенности, что законная супруга никогда ни о чём не узнает).

Эта Лидия была умной женщиной, и прекрасно понимала, что залетный молодой москвич — явление временное, и что однажды он исчезнет из ее жизни бесследно. Он и исчез, вот только не бесследно, оставив ей на память о той связи ребенка, очаровательную дочку Зиночку.

Я понимала, что ребенок ни при чём. Что маленькая девочка ни в чём передо мной не виновата. И что я не имею права перекладывать на нее ответственность или вину за безответственные поступки взрослых людей. Я осознавала, что не виновата передо мной и эта незнакомая мне Лидия, ныне уже покойная. Если бы не болезнь и не столь ранняя смерть, я бы, скорее всего, вообще никогда не узнала бы о том, какой мудака и предателя мой муж. И не задалась бы вопросом о том, сколько ещё подобных Лидий и Зиночек у него может быть по всей стране.

Тогда я даже не попыталась решить проблему моего сломанного брака. Я не пыталась остановиться, успокоиться и прислушаться к себе, чтобы понять, чего хочу я сама. Я даже отказалась разговаривать с Беркутовым, не желая слушать его оправданий и выяснять причины его предательства (хотя, наверное, стоило бы). Зато, я нашла в себе силы честно признаться, что не смогу стать матерью для чужого ребенка, который неосознанно станет ежедневным, унижительным и неопровержимым доказательством измены любимого мужчины. Я малодушно решила, что не смогу видеть его дочь в моем доме. Не потому, что я плохая, чёрствая или жестокая. Не потому, что я бесчувственная стерва. Не потому, что так, наверное, было бы правильно. И уж, тем более не потому, что в те времена именно так и было принято — жертвовать собой в угоду больших целей и светлых идей. Но эту грань я переступить не смогла.

А ещё мне тогда казалось, что мой демонстративный отказ иметь дело с его младшей дочерью — это единственный способ наказать его, как можно больнее. Оставить его один на один с созданной им же проблемой. Без помощи, без поддержки, чтобы на собственной шкуре ощутил, что натворил и кого потерял. Тогда мне очень хотелось, чтобы Беркутов осознал и почувствовал отвратительный контраст своих жизней (жизни до, и жизни после). Понял, какую непоправимую ошибку он совершил, когда, предав меня и Сонечку, он теперь вынужден самостоятельно воспитывать ненужного и, по сути, чужого для себя ребёнка.

Молодость — она очень жестока, часто бескомпромиссна и щедра на ошибки. Но за все наши ошибки рано или поздно наступает время расплаты.

Его ошибка молодости теперь смотрела на мир папиными карими глазами, требуя от него расплаты за его ложь, измену и безответственность. Она нуждалась теперь в его внимании и заботе, переворачивая всю его жизнь с ног на голову. Зина стала для Виктора образом вины и

предательства, постоянным и болезненным напоминанием о нашей, некогда счастливой семье, которую он разрушил, позволив этой девочке появиться на свет.

А моя... Моя ошибка заключалась в том, что я не понимала тогда, чем может обернуться для меня и моего ребенка ненависть и зависть маленькой Зиночки, которая однажды вырастет. Я поступила неразумно и эгоистично, потому что, не будучи готовой отпустить из своей жизни бывшего мужа, я с первых дней безоговорочно вычеркнула из нее его младшую дочь. Возможно, наступи я на горло собственной гордости, воспитаю я эту девочку сама, и многих проблем в жизни нашей семьи удалось бы избежать. Но тогда я приняла другое решение. И это решение, в итоге, стоило мне (моей дочери, а позже, ещё и моей внучке), очень дорого.

Глава 2. Про мою маму

Алевтина

Начало 1980х.

Следующим ударом судьбы, который не заставил себя долго ждать, стала реакция на мой развод со стороны моей матери.

— Не смей разводиться, слышишь! — не помня себя от ярости и не желая разбираться в причинах моего решения, кричала она, не собираясь слушать никаких аргументов против своего, единственно верного (на ее взгляд) мнения. — Ты позоришь себя! Ты позоришь меня! Да как ты смеешь перечить?

— Мама, он изменил мне...

— Ну и что такого? Этот факт вообще не обязательно афишировать...

— А ребёнок?

— Удочерила и дело с концом! Через год никто и не вспомнит, что раньше её в вашем доме не было, если ты не будешь скулить на всех углах о том, какая ты бедная-разнесчастная, обманутая жена.

— Мама, но он, действительно, обманул меня...

— Алевтина, он — мужчина! — рявкнула мать, так, словно факт половой принадлежности Беркутова полностью оправдывал его измену. — Молодой, обеспеченный и высокопоставленный мужчина! Все чиновники изменяют женам! Слышишь? Все без исключения! И это вовсе не повод бежать разводиться! Просто, умные жены умело закрывают на это глаза. Ты одна — идеалистка и мечтательница! Поэтому, сама виновата! Задушила мужика своей образцовостью и безукоризненностью! Вот он и нашёл, кого попроще, чтобы отдохнуть от тебя. Чего ты от него хочешь?

Слышать подобные идиотские оправдания моему мужу из уст женщины, которая меня воспитала, было, слабо говоря, странно. Мать всю жизнь требовала от меня именно образцовости поведения и безукоризненности манер. Твердила мне про достоинство и внешние приличия. Настаивала на абсолютной важности общественного мнения. Ревностно заботилась о том впечатлении, которое я произвожу в каждую минуту своей жизни, любым своим действием, словом или поступком. Теперь, та же самая женщина, стремительно «переобувшись» в отношении своей жизненной философии, втолковывала мне совершенно обратное. Или её требования относительно достоинства, безупречности и образцовости распространяются исключительно на женщин? Тогда в чём смысл семьи? С какой стати я должна быть идеальной рядом с нечистоплотным и непорядочным человеком, который меня оскорбляет своими изменами? Зачем тогда он мне вообще нужен? Для того, чтобы убеждать меня в том, что это я сама виновата в его изменах?

— Я уже ничего от него не хочу, мама. Я с ним развожусь, — неожиданно даже для себя вдруг твердо произнесла я, уже понимая, что мать никогда не простит мне этого демонстративного демарша.

— Идиотка, где ты ещё найдешь такого мужа, как Беркутов? Кому ты нужна под тридцатник и с довеском? — снова взвилась мать, но сама понимая, что перешла границы и очень серьёзно перегибает, вдруг сбавила тон и попыталась меня уговаривать. — Алечка, милая моя девочка, пойми, это жизнь. Она разная. Не всегда приятная, часто совсем наоборот. Витя ошибся, но ты сама сказала, что он не хочет развода. Он не хочет тебя отпускать. Вот и не руби с плеча. Не надо торопиться. Перемелется всё — мука будет. Подумаешь, ребёнок! Что же, теперь из-за этого ребёнка мужа бросать? Отказаться от положения в обществе? А о Сонечке ты подумала? А о себе? Одумайся, Аля. Ну, будь ты умнее и хитрее...

— Мама, я не могу, — всхлипнула я потому, что всё ещё была свежа глубокая рана на сердце и мне остро хотелось простой человеческой поддержки, а не упреков и нотаций, тем более, произнесенных таким командирским тоном. Хотелось поплакать на груди у близкого человека, хотелось выговориться, выплеснуть всю боль и страх, и знать, что меня просто поддержат, просто обнимут, просто выслушают. Мне отчаянно необходимо было знать, что меня просто любят...

— Ну и дура! — вместо поддержки рявкнула разъярённая мать, традиционно не переносящая дерзости и неподчинения ее приказам. — Иди, разводишься, только потом не ной, что такой мужик достанется кому-то более умному. Изменили ей, видите ли! Да всем изменяют! Взрослая уже, пора бы понимать очевидные вещи, и не делать из мухи слона, рискуя своим материальным положением и стабильностью.

Моя мама всегда была сложным человеком, резким, упрямым, не терпящим возражений. В её картине мира было лишь её мнение и неправильное. Партийный номенклатурный работник, пусть и не слишком высокопоставленный, но зато с большими связями и возможностями, которыми моя маменька очень гордилась и всегда подчеркивала свои обширные и значимые знакомства. Она искренне считала, что обе её дочери (я и моя младшая сестра Ангелина) должны являть собой идеал советской женщины, дополняя и украшая её собственный безупречный образ. Пустая внешняя картинка наигранной идеальности, под которой скрывались многочисленные личные проблемы и комплексы, обманутые ожидания и разочарования несчастной одинокой женщины, которые моя мать пыталась компенсировать своими успехами на службе и своими идеальными детьми. В принципе, всю свою жизнь я была именно такой, какой она хотела меня видеть, идеальной и безупречной «хорошей» девочкой. «Отличница, спортсменка, комсомолка и просто красавица», а также, послушная умница, медалистка, помощница и мамина гордость. И маменька изволила быть благосклонной и всячески одобряла меня, ровно до тех пор, пока я соответствовала её ожиданиям и безропотно следовала её наставлениям. Я была идеальной и демонстративно любимой дочерью лишь до момента своего развода с Беркутовым, точнее, до тех пор, пока не посмела ослушаться эту несчастную, в общем-то женщину, которая возомнила себя истиной в последней инстанции лишь потому, что ей в прошлом неплохо удавалась её карьера.

Наверное, с житейской точки зрения и мою маму можно было понять. И даже оправдать её жестокость и агрессию в мой адрес заботой обо мне, или страхом за моё будущее (вряд ли она беспокоилась о Сонечке, ведь даже после развода Виктор не перестал быть её отцом). Мама беспокоилась лишь обо мне (по её словам). По факту же мама переживала, что я упустила выгодного мужа, по причине собственной непроходимости глупости (потому, что мама не сочла измену Виктора достаточным основанием для развода). В её картине мира Виктор Беркутов был успешным и богатым человеком, высокопоставленным чиновником, то есть, завидной партией, а значит, мужчиной, которому многое можно простить. Следовательно, я была просто обязана быть по-житейски мудрой и закрывать глаза на некоторые его шалости (потому, что с маминой точки зрения, он того стоил). А если закрывать глаза не получается, значит, следуя той же житейской мудрости (и маминым советам), было необходимо лицемерно объяснить проштрафившемуся мужу, насколько сильно он огорчил свою благоверную супругу. Доходчиво объяснить, чтобы проникся! А потом воспользоваться чувством его вины (пока оно не остыло) и предоставить ему возможность долго и тщательно заглаживать эту вину дорогими подарками (лучше всего измеряемыми в ювелирных пробах и каратах).

Наверное, мама была права. И даже, если она была не права, то, определенно, хотела для меня как лучше. Но проблема была в том, что я, реально, была тогда «хорошей» правильной девочкой, образцовой идеалисткой, влюбленной в собственного мужа, несмотря на восемь лет брака. А ещё у меня были стойкие принципы, и самоуважение, и чувство собственного достоинства, которые претили мне опускаться до таких низов, как продавать неверному мужчине

право называть меня своей женой. Потому, что это было мерзко, пошло и низко, (хотя наверняка, выгодно).

В тот день у нас с мамой не получилось понять друг друга. Она искренне считала, что я сошла с ума, добровольно отпуская Беркутова. Она настаивала, чтобы я одумалась. А я не хотела её лицемерных, эгоистичных и циничных советов, как поэффективнее «наказать» загулявшего мужа, и получить побольше выгоды от его измены. Тогда мне очень хотелось лишь одного, чтобы мама меня пожалела. Прижала, как в детстве, к своей груди и долго гладила по голове, утешая, и обещая, что всё обязательно будет хорошо. Я хотела материнской любви, человеческой поддержки и сострадания. Но именно тогда, неожиданно и болезненно для себя, я вдруг поняла, что человек не может дать мне того, чего у него попросту нет (поэтому и ждать от него этого глупо).

Она так долго, отчаянно и показательно гордилась моим удачным браком, что восприняла моё решение о разводе как личное оскорбление (вероятно, обоснованно опасаясь выглядеть смешно и нелепо перед своими заклятыми подругами, которым она многие годы хвасталась моим мужем, моим браком и моим завидным семейным положением).

— Учти, Алевтина! Если ты разведёшься с Беркутовым, ты мне больше не дочь! Видеть тебя не хочу!

— Хорошо, мама, как скажешь

В тот момент моя мать ещё не осознала, что моя последняя фраза в нашем разговоре не означала моего согласия вернуться к мужу, а была (с моей стороны) лишь признанием нерастраченного факта того, что больше у меня нет матери, потому что она так легко сегодня от меня отказалась.

В тот день мне показалось, что жизнь преподнесла мне свой второй жестокий урок, о том, что, оказывается, даже самые близкие, те, кто уверяют в безусловной любви, легко могут отказаться от своих слов, едва ты посмеешь не оправдать их ожиданий. И что любовь, в понимании некоторых людей, не имеет ничего общего с любовью в твоём собственном понимании. Оказывается, так тоже бывает, что родная мать вычёркивает тебя из своей жизни лишь потому, что ты посмела возражать и не оправдала её ожиданий.

В тот день мне даже показалось, что я стала взрослее, что стала иначе смотреть на многие вещи, сняла розовые очки и перестала по-детски идеализировать свою мать. Я вдруг отчётливо поняла, что она сама знает, что не права. И вся драма ситуации заключалась лишь в том, что мы с ней обе понимали, что моя мать никогда не произнесет слов извинений, не признается в том, что совершила ошибку, что была груба и несправедлива ко мне. В том день «хорошая девочка» Аля неожиданно для себя осознала, что часто самые близкие люди ранят друг друга, делая больно совершенно намерено. И что в последующем собственное упрямство не позволяет им признать ошибку и извиниться. Что потом они долгие годы обижаются друг на друга, вспоминают друг другу всякую ерунду, возводя несущественную проблему в абсолюте. И сознаются в том, что были неправы, лишь тогда, когда становится слишком поздно потому, что мертвым уже не нужны ни признания, ни извинения, ни прощение. Всё это необходимо живым, и то, не всем.

Спустя всего несколько лет, стоя на могиле матери, я так и не смогла ответить себе на вопрос, почему она меня так и не поняла, и не простила. И почему до последних своих дней она брезгливо поджимала губы и отворачивалась во время моих недолгих визитов, принимая мою материальную помощь (по её содержанию, оплате услуг няни и медсестры и покупке лекарств) так, словно делала мне великое одолжение? Может быть потому, что не у всего в жизни есть логичное и рациональное объяснение? Не все истории заканчиваются хэппи-эндом. Не все мамы мудры, великодушны и терпеливы к своим детям. А факт близкого родства не накладывает на людей безусловную обязанность любить друг друга. Не все люди способны найти общий язык. А жизнь настолько многогранна, непредсказуема и сложна, что мать и дочь могут

годами не разговаривать друг с другом, и при этом не испытывать моральных терзаний. И так тоже бывает...

Однако, лишь годы спустя я пойму, что мой урок тогда был в другом: моя мама была кривым зеркалом меня самой. Такая же несчастная и сломленная женщина, не понимающая, что творит, и своими руками разрушающая свою жизнь (и жизнь своих близких). Мама вела себя по отношению ко мне точно также, как я сама повела себя по отношению к мужу, легко отказавшись от мужчины (которого по-настоящему любила) лишь потому, что он посмел совершить ошибку, которую я не была готова ему простить. Беркутов не оправдал мои ожидания от нашего брака (как я сама не оправдала надежд своей матери), поэтому я мгновенно забыла всё хорошее, что нас когда-то связывало, и просто вычеркнула его из своей жизни.

В тот день я покидала дом моей матери, и с ужасом осознавала, что осталась совершенно одна (не считая маленькой дочери). Я, которая совсем недавно была уверена в том, что у меня любящая семья и всесторонняя поддержка близких людей, столкнулась вдруг с суровой правдой жизни, преданная мужем и матерью. И, наверное, именно это острое осознание собственного одиночества в тяжелый период моей жизни, в итоге, и подорвало моё здоровье, продолжив череду моих персональных жизненных катаклизмов.

Глава 3. Про служебную собаку и проблемы со здоровьем

Алевтина, Москва, середина 1980х.

— Алька, родная, ну хватит дурить. Возвращайся

— Уходи, Беркутов! Я не желаю тебя больше видеть! Никогда! — пафосно отвечала я, сама не зная, чего от него жду, и зачем мучаю нас обоих.

— Аля, я люблю тебя! — рычал он, не то с угрозой, не то от безысходности, отчаявшись достучаться до упрямой меня.

— Любил бы, не шлялся

— Алька

Каких доказательств я от него ждала? Каких жертв? Каких подвигов? Чего? Я сама не знала. И он не знал. И раз за разом я наблюдала, как Виктор Беркутов, в очередной раз, послушно выполняет моё требование и уходит.

Спустя годы я пойму, какой глупой была. «Враг самой себе!» Тогда, я так и не нашла в себе сил честно признаться, что очень хочу вернуться к нему. Отчаянно хочу! Невыносимо! Хочу всего того, что он обещает, о чём твердит, выдавливая из себя раскаяния и извинения. Хочу всего того, ради чего он раз за разом упрямо приходит уговаривать меня вернуться к нему! Но я так и не смогла договориться с собственной глупой гордостью. Как было бы просто, если бы он просто взвалил меня на плечо и «уволок в пещеру». Заставил! Чтобы у меня был повод сказать, что меня вынудили. В этом случае моя гордость могла бы спать спокойно (как и я сама, под теплым боком оступившегося, но, по-прежнему, отчаянно любимого мужчины). Но я так и не сказала ему, что нужно было сделать (в первую очередь, из-за Зины). Дура!

И всё чаще и чаще после таких визитов бывшего мужа меня ждали бессонные ночи и горькие слёзы. А на утро стало сильнее щемить сердце... Я тогда думала, что это от тоски и нервных расстройств.

Именно по причине моего нездорового внешнего вида, общей слабости, подавленности и стабильно плохого самочувствия, начальник отделения милиции, где я работала в тот период следователем, старался не слишком дергать меня криминальными выездами, временно переводя на бумажную работу и составление отчетов. Сам будучи отцом взрослой разведенной дочери, он и ко мне относился, как к дочери, позволяя мне зализать раны в более или менее комфортной обстановке.

— Бледная вся, как немочь! Смотреть на тебя страшно! А ну, брысь домой, Беркутова, и чтобы я тебя до понедельника не видел

Но в тот раз обойтись без моей помощи не получилось.

Это было резонансное уголовное дело. Ублюдок изнасиловал девушку, задушил и спря-тал тело в лесу.

— Алевтина, девочка, выручай. Эта зверюга никого к себе не подпустит, кроме тебя.

Преступника уже задержали, и он даже активно сотрудничал со следствием, но показать место сокрытия трупа не мог, поскольку в момент совершения преступления был сильно пьян и многого не помнил. Душегуб сумел указать лишь на сам лес, в котором милиции теперь предстояло найти тело девушки. Естественно, что для этих целей привлекли служебных собак. Вся проблема была лишь в том, что именно в тот период в лесу завелись волки. Служебные собаки чужаки волков и отказывались работать в опасной местности. Егерь утверждал, что волков отогнали, но убедить собак в безопасности леса не удавалось. Псы нервничали и отказывались брать след. Московская милиция была вынуждена искать другой вариант.

Вариант этот звали Улан, и был он огромным мохнатым кавказским волкодавом, (то есть, собакой как раз такой породы, которую не смутит запах волка). Крупный и матёрый, с весьма специфическим характером, Улан сам кого хочешь мог смутить, (и даже довести до энуреза), порой наводя ужас даже на бывалых оперов.

Мы с Уланом были хорошо знакомы, причём с его щенячьего возраста, когда этот волкодав был милым мохнатым очарованием.

Понятия не имею, как этот красавец попал на службу в органы внутренних дел (обычно, правоохранители предпочитали немецких и среднеазиатских овчарок), но в тот период Улан считался одним из лучших «сотрудников» московского спецподразделения служебных собак. Поводырь Улана была уже пожилая инструктор-кинолог Светлана Григорьевна Егорова, «милая добрая» женщина с боевым характером (под стать своему волкодаву). Капитана Егорову слегка опасались всё высшие чины милицейского руководства. Светлана Григорьевна заведовала спецподразделением служебных собак, питомником, и учебным полигоном для дрессировки четвероногих сотрудников. Она даже лично дрессировала своих многочисленных питомцев (а также, коллег, подчиненных а, иногда, и руководство). Она была очень громогласной, саркастичной и ехидной особой, и часто не стеснялась сквернословить, когда крутые парни в погонах отказывались понимать её с первого раза.

У Светланы Григорьевны была неоднозначная репутация, но мне она очень нравилась именно своей необычностью, самостоятельностью и абсолютным бесстрашием (что перед агрессивными зубастым псами, что перед руководством). Эта маленькая старушка олицетворяла собой самый настоящий вызов общественным представлениям о женщине «в годах». Для нее не существовало авторитетов. Она была требовательной к себе и к людям, идеально дрессируя служебных собак и наиболее дерзких сотрудников (за что получила прозвище бой-бабы несмотря на то, что была низенького роста). Именно своим стальным характером, железной дисциплиной в работе и искренней любовью к своим питомцам она меня и привлекла. Я, милая нежная девочка, тепличный цветок, растущий под крылом мужа, восхищалась этой сильной женщиной. В том числе и потому, что перед ней преданно замирали огромные зверюги, готовые выполнять ее команды, стоило ей только появиться на учебном полигоне (причём, под «зверюгами» я имею ввиду не только четвероногих сотрудников милиции). Поскольку Светлана Григорьевна возглавляла дружественное подразделение (её служебные собаки участвовали в следственных мероприятиях всех московских отделов милиции), то мы с ней часто пересекались для обмена документами, оформленными по результатам таких следственных мероприятий.

Мы прекрасно ладили, особенно после того, как я несколько лет назад совершенно случайно помогла ей и её любимцу Улану, тогда ещё круглому смешному шестимесячному щенку кавказской овчарки. Этот проныра умудрился разгрызть сетку-рабицу, огораживающую его вольер, и попытался улизнуть. Но, будучи уже довольно крупным товарищем, Улан, ожидаемо, застрял. Причем, застрял щенок очень опасно, поскольку разгрызенные плетения сетки-рабицы были советского производства, (то есть, из довольно крепкой проволоки), которая при каждом движении перепуганного щенка впивалась тому в шею острыми краями, и грозила покалечить несчастную собаку. Паникующее животное громко и отчаянно выло от боли, сильно рискуя не дожить до утра. Инцидент случился вечером, в самом конце рабочего дня, поэтому сотрудников, способных помочь Светлане Григорьевне, в питомнике уже не осталось (она сама чудом ещё не ушла домой). А я заехала случайно, по пути с работы, попросив Виктора (который в тот день забрал меня на своей машине), свернуть по дороге в питомник, чтобы передать документы.

Беркутов был строителем, потому в его багажнике было много нужных инструментов. Нашлись там и пассатижи с кусачками, с помощью которых мой муж (у которого, к счастью, и руки росли из нужного места) освободил жалобно скулящее мохнатое чудо, которое перепугалось настолько, что горько всхлипывало и тихонько поскуливало на моих руках, пока грозная

Светлана Григорьевна, беззлобно ворча на малыша сквозь зубы, и с трудом скрывая пережитое волнение, обрабатывала его сильно кровоточащую шею. С тех пор мы подружились не только со Светланой Григорьевной, но и с грозным Уланом, который мгновенно и безоговорочно признал меня *своей*.

Когда мы с Беркутовым развелись, Улану было уже два года. Светлана Григорьевна как раз в тот период начала сильно сдавать, и часто болела, не в силах уделять питомцу достаточно времени. Она всё чаще просила меня навестить своего любимца, погулять, причесать, поддержать, пообщаться, просто погладить, чтобы он не думал, что его бросили, и он никому не нужен. А мне было не сложно. Я работала рядом, и с некоторых пор стала замечать, что в обществе собак мне гораздо спокойнее, чем в отделе милиции. И что рядом с четвероногими, моё сердце болит не так сильно.

Всё чаще в нашем отделе стали звучать разговоры о том, что старушку Егорову скоро отправят на пенсию и меня это откровенно пугало. Улан был воспитанной и дрессированной служебной собакой, умной и адекватной. Просто никто из других инструкторов-поводырей не хотел брать на себя ответственность, работая с чужим псом (за каждым специалистом был закреплен свой четвероногий товарищ), поэтому, за время болезни хозяйки и вынужденного простоя, Улан немного одичал. И теперь часто на попытки надеть на себя ошейник, крупный и сильный пёс скалил зубы, не позволяя к себе подойти никому, кроме меня.

Улан, как мы и ожидали, не побоялся зайти в лес. Проблема была в другом. В отсутствие Светланы Григорьевны пёс решил проявить самостоятельность и, наплевав на команду инструктора «искать», он начал заинтересованно принюхиваться не к вещам девушки и её убийцы, а к ближайшим кустам. А понюхав эти кусты, вздыбил холку и устоялся куда-то вглубь леса, ощерив зубы в угрожающем оскале.

— Волка учуял, — пояснил сопровождающий нашу оперативную группу егерь, — кажется собрался брать след серого. Решил показать, кто в этом лесу хозяин.

Четыре кинолога-инструктора тут же подорвались, и на Улана посыпались команды «фу, нельзя» и прочие привычные собакам звуковые обозначения запрета. Но Улану было плевать. Он и не думал слушаться, демонстрируя кинологам тонну презрения и убийственную самостоятельность.

Я участвовала в тех следственных действиях лишь как сторонний наблюдатель. Моя задача была быть рядом с Уланом (потому, что я могла его успокоить по старой дружбе). Нет, не удержать, (поскольку силы были откровенно не равны), но уговорить, приласкать, приободрить, надеть на него намордник с поводком (потому, что никому другому пёс не позволял к себе прикасаться). Поэтому, мне следовало просто находиться рядом с собакой. Руководить же работой служебного пса предстояло профессиональным инструкторам. Но даже меня сразу смутило, почему кинологов аж четверо? Они же мешают друг другу.

Словно в подтверждение моих слов, поводырь (так называли сотрудника, удерживающего поводок служебной собаки), резко потянул на себя брезентовую шлейку, вынуждая Улана запрокинуть голову назад. Но вместо того, чтобы послушаться и сесть, как рассчитывал кинолог, пёс напряг свою квадратную грудину, ещё больше вздыбил холку и совсем чуть-чуть подался вперед, словно издеваясь. Однако, даже этого незначительного движения хватило, чтобы удерживающий собаку мужчина подался вслед за ним, едва не споткнувшись. Это была явная демонстрация силы со стороны наглого четвероногого.

— Собака не слушается, — сквозь зубы недовольно сообщил кинолог очевидную, впрочем, вещь.

— Улан, надо работать, — устало сказала я, присев перед псом на корточки.

Моё лицо и его крупная морда оказались на одном уровне. В мою щеку ткнулся холодный мокрый нос, и пёс меня лизнул. А я почему-то с большим трудом сдержала слезы, с усилием проглотив вставший в горле комок от этой немой нежности в исполнении преданной собаки. В тот период я вообще часто плакала и была на нервах. А тут это расследование, следственные мероприятия, этот ужасный лес и снова щемит сердце. Трепетное отношение ко мне Улана задело что-то внутри. Захотелось обнять это мохнатое наглое чудовище, прижаться к нему крепко-крепко и разрыдаться, зная, что он будет смиренно и стойко сносить мои эмоции и позволит поливать слезами свою густую бурую шерсть до тех пор, пока мне не станет легче. Я так хотела поплакать на груди у мамы. Мне так хотелось снова прижаться к груди Беркутова. Но даже преданный Улан не подходил сейчас на роль жилетки. Потому, что надо было работать.

Вероятно, умный пёс почувствовал мое состояние, потому что вздохнул вдруг совсем по-человечески и слегка потерся об меня лбом. А я взяла из рук одного из сотрудников вещи девушки и сунула под нос собаке. В тот день я впервые сама произнесла служебные команды «искать» и «след». А потом просто молча забрала поводок из рук кинолога

Той ночью меня снова трясло, на этот раз Беркутов был ни при чём. Меня била нервная дрожь от воспоминаний о жертве убийцы-насильника, мертвое тело которой Улан нашёл в лесу. Страшные картины с места преступления ещё долго стояли перед моими глазами, не давая уснуть...

Отдел московской милиции, середина 1980х.

— Аль, поставь свою почеркушку, я дело в архив отнесу. ...Аля? Алька, тебе что, плохо? Аля!!! Твою мать! Кто-нибудь! Скорую!

— Цереброваскулярная недостаточность, — спустя несколько дней сообщил мне врач ведомственной больницы, куда меня привезли на скорой после обморока.

— Что это?

— Нарушение кровообращения. Отсюда обмороки, головокружения, бледность, головная боль и общее ослабление сердечно-сосудистой системы. Я буду вынужден рекомендовать вас на перевод из следственного отдела. Если запустить заболевание, вы заработаете себе сердечную недостаточность, инфаркт или инсульт. Вам категорически противопоказаны серьёзные нагрузки и стрессы.

Стрессы! После развода с Беркутовым и ссоры с матерью, моя жизнь превратилась в один большой и бесконечный стресс.

— Алевтина Егоровна, вам категорически нельзя нервничать и заниматься тяжёлым физическим трудом, — настойчиво повторил врач в день моей выписки из больницы.

Вот так, спустя почти год, я узнала, что развод отнял у меня не только мужа, мать и кучу нервов, но и здоровье. А ещё и работу, но это выяснилось к концу недели.

Отдел кадров обрадовал, что с таким диагнозом я теперь не могу быть следователем, потому как не соответствую занимаемой должности по состоянию здоровья (следователь-криминалист не может вечно перебирать бумажки в тишине отдела, ему нужно расследовать криминальные преступления, а значит, выезжать к местам их совершения).

— Да вы с ума сошли, — кричал на кадровиков наш начальник, — я где ей замену найду такую же толковую?

— А мы причём? — понимали негодование начальства кадровики, но бумаги на меня уже поступили из ведомственной больницы. — Таков регламент. Она у нас загнётся на каком-нибудь выезде, и тогда нас с вами посадят...

— Нет, Беркутова! Я тебя не отдам. Вот, что мы сделаем, — упёрся тогда мой начальник. — Ступай-ка ты заместителем к нашей Егоровой в её питомник, тебя она точно хорошо примет и всему научит. До пенсии Светлана Григорьевна натаскает тебя для кинологической работы, все больше толку будет.

Так, неожиданно для себя и по воле случая, я оказалась в руководстве кинологического подразделения служебных собак при московской милиции.

Именно тот судьбоносный перевод на новое место службы и предопределил всю мою дальнейшую жизнь, навсегда связав её со служебными псами. А пока мне предстояло длительное восстановительное лечение, выход на новую работу и обучение новым навыкам взаимодействия с четвероногими сотрудниками.

Но главное, за что спустя годы я очень благодарна судьбе, это за тесное, практически родственное общение со Светланой Григорьевной Егоровой, которая в те времена стала мне второй матерью, научив меня быть сильной, уверенной и самостоятельной. Именно капитан Егорова, передавая перед выходом на пенсию мне все дела собачьего питомника, научила меня стойкости перед жизненными трудностями, смелости и упорству. А ещё эта маленькая сильная женщина научила меня бороться, не сдаваться, огрызаться и показывать зубы, а если выбора нет, то больно кусаться.

И именно от неё я узнала шокировавшую меня тогда истину о том, что я не обязана любить всех, быть хорошей для всех и всем всегда нравиться. Светлана Григорьевна вдалбливала в меня этот факт в контексте дрессировки и воспитания служебных собак, у каждой из которых был свой особый характер, но, как показала практика, люди мало отличаются от животных.

Оказывается, так в жизни тоже бывает. И совершенно посторонние, но равнодушные люди становятся твоими учителями и мудрыми наставниками в то время, как близкие предают, или просто равнодушно не замечают.

Глава 4. Про бабушку Дусю, её квартиру и Гавриловну

Алевтина

Москва, середина 1980х.

Именно потому, что мама и младшая сестра упрямо не замечали меня после моего развода с Беркутовым, я была весьма удивлена неожиданному появлению в моей жизни бабушки.

Бабушка Евдокия была в нашей семье не слишком популярным персонажем. Она, мать моего покойного отца, сильно недолюбливала свою сноху (мою матушку) с первых дней знакомства. И потому, бабушка не принимала практически никакого участия в нашей жизни, даже пока был жив отец. Я мало с ней общалась, и совершенно её не знала. Мы никогда не были близки и совсем не поддерживали родственные отношения, являясь друг другу, по сути, чужими людьми. Тем более, что после смерти отца моя мама повторно вышла замуж и родила второго ребенка, поэтому никогда не интересовалась жизнью бывшей свекрови, и не видела никакого смысла поддерживать мои связи с бабушкой Евдокией. Видимо, самой бабушке это тоже было не нужно несмотря на то, что я была её единственной внучкой. Многие годы такая ситуация никого не смущала и всех устраивала. С выбором бабушки жить, делая вид, что у неё нет семьи, никто не спорил.

Именно по этой причине я никогда не воспринимала свою родную бабушку человеком, который способен мне помочь, поддержать или проявить участие в моей жизни. Ведь глупо ждать помощи от постороннего человека, верно? Да и будь мы с ней близки, допусти она меня в свою жизнь, это мне уже к тому моменту следовало бы помогать и поддерживать больную пожилую старушку. Но жизнь, как оказалось, полна сюрпризов. И, к счастью, эти сюрпризы не всегда неприятные. В тот непростой период после развода многое перевернулось в моей жизни с ног на голову. Коснулось это и моих отношений с бабушкой Евдокией.

Она сама разыскала меня спустя год после развода, в один из дней приехав ко мне на работу. Сказать, что этот визит меня удивил, значит скромно промолчать. Увидев бабушку, я очень напряглась и, честно, не ожидала от этой встречи нечего хорошего, решив, что сейчас будет очередная лекция о том, какая я непроходимая дура потому, что упустила перспективного мужа. Но старушка сумела удивить.

— Я умираю, Алевтина, — проинформировала она меня совершенно невозмутимо, спокойно настолько, словно уведомляла о том, что идёт в булочную. И пока я вспоминала, как дышать от свалившихся на меня новостей, бабушка положила на стол передо мной ключи.

— Я оставляю тебе свою квартиру. Надо побыстрее всё оформить, пока я ещё на ногах.

— Почему? — ошалело прошептала я, отчаянно борясь со слезами от мыслей о её скорой смерти.

— Чтобы чужим людям не досталась, — спокойно пояснила бабушка.

— Я не об этом, — всё-таки всхлипнула я. — Почему ты решила, что умираешь? Что случилось?

Неожиданно баба Дуся тепло улыбнулась, и присела, наконец, на предложенный стул, хотя ранее упрямо отказывалась.

— Рак у меня, Алечка. Мне врачи два месяца от силы дают. Так что тянуть с твоей пропиской некогда.

Бабушка прописала нас с Сонечкой к себе, в свою благоустроенную сталинскую двушку на Дорогомиловской, с высокими потолками и роскошным балконом. Она предусмотрительно познакомила меня со всеми подругами и соседями, лично предупредив участкового и многочисленных дворовых сплетниц о том, что я её родная внучка.

— Запомни, Аля, как только я умру, на эту квартиру очередь выстроится. Начальница жилконторы давно облизывается. Я у нее по документам числюсь, как одинокая пенсионерка, поэтому мою квартиру она уже присмотрела для себя, — наставляла бабушка, готовя меня к непростым испытаниям.

— Вот, Алевтина, держи. Это мои метрики, это метрики твоего покойного отца. Сохрани и береги, с ними ты всегда подтвердишь наше близкое родство, — твердила бабушка, передавая мне заботливо завернутые в бумагу свидетельства о рождении, способные подтвердить моё право жить в бабушкиной квартире.

В те времена в нашей стране не было частной собственности. Квартиры принадлежали государству и предоставлялись в пользование квартиросъёмщикам. Поэтому, опасения бабули имели под собой основания. Драгоценные квадратные метры могли просто изъять в пользу государства, признав проживающих в ней лиц не законными пользователями жилого помещения (особенно, если на эту квартиру уже положила глаз какая-то чиновница из жилконторы). И бабушка очень волновалась, как бы нас с Соней не выселили отсюда после её смерти.

— Хорошо, что ты в милиции работаешь, — рассуждала бабуля вслух, имея в виду, что с действующим сотрудником правоохранительных органов вряд ли кто-нибудь захочет связываться. — Но плохо, что ты у меня мямля беспомощная! Так, Алька, запомни, если будут проблемы с этой квартирой, не вздумай ерепениться. Срочно звони своему бывшему мужу и проси о помощи! Поняла меня? Он точно не откажет и поможет. Куда он денется? А то будет обидно остаться с ребёнком на улице из-за собственной гордости.

Бабушка Евдокия умерла спустя два месяца, как и прогнозировали врачи. И, как она и ожидала, сразу после похорон ко мне явилась целая комиссия из ЖЭКа, жилконторы и местного участкового, чтобы проверить законность моего проживания в бабулиной квартире. Благо, что все необходимые документы, подтверждающие наше родство, были в порядке. Даже к Беркутову обращаться не пришлось. Факт моей службы в милиции (и должность замначальника спецподразделения) тоже сделал свое дело, начальница жилконторы покивала, поджав губы, но связываться с внезапно появившейся у одинокой старухи внучкой не рискнула.

Бабушка умирала в больнице, это было её решение. И я ежедневно (сама или с Сонечкой) навещала её. Удивительное дело, но мы, не общавшиеся предыдущие двадцать семь лет моей жизни, в тот период много разговаривали. Точнее, больше говорила бабушка. Говорила много всего, словно пыталась выговориться перед смертью. А может, она пыталась предупредить меня о чем-то важном?

— Как-то жизнь пролетела быстро и совершенно бестолково, — вздыхала баба Дуся, лежа на больничной койке. — Всё строила из себя что-то, думала, что всегда молодой буду и здоровой. Упрямая была, жестокая. Считала себя самой умной. На отца твоего обижалась сильно. А смысл? Его не стало, а мы ведь так и не поговорили по-человечески. Мать твою презирала. И что? С неё как с гуся вода. Вышла снова замуж и думать обо мне забыла. Живет своей жизнью и правильно делает. Как ты растешь не видела. Вон бабки-соседки жалуются, устали, мол: внука в школу отведи, на секцию проводи, обедом накорми, уроки проверь. А ведь я им даже завидовала потому, что мне некого было водить-кормить-воспитывать. Думала, что одной лучше, спокойнее, никто нервы не треплет, претензии не предъявляет. А одной, оказывается, страшно, Алька. Спасибо тебе, что хоть перед смертью я не одна. Ты прости меня, деточка...

— Глупо как-то всё получилось, внученька. Ну, да я сама дура. Сама выбрала, как мне лучше, чего уж теперь сожалеть. Ты только не просри свою жизнь, Алька. Не совершай моих ошибок. Сердце слушай, а не характер. У гробовой доски все эти обиды кажутся бестолковой мышшиной вознёй, на которую жизнь только зря потрачена

— А знаешь, Алевтиночка, что самое страшное в жизни? Нет, детка, ты не права. Любая боль однажды проходит, и с любой потерей можно смириться, такова жизнь (человек не может

страдать вечно, время всё лечит). Предательство забудется и сотрется из памяти, как страшный сон. Даже измену можно простить, если человек того стоит. Ты, главное, не зацикливайся на этом, только себе хуже сделаешь. Самое страшное в жизни, девочка, это когда ты, перед смертью оглядываешься назад и сожалеешь обо всем, что за эти годы сделала, и чего не сделала. И точно знаешь, что, если был бы шанс все исправить, и прожить свою жизнь заново, что ты всё-всё сделала бы по-другому. Это страшно, Алечка, осознавать, что жизнь прошла зря, наперекосьяк, бессмысленно, рядом с теми, кто был не нужен. А я так и не совершила того, о чём мечтала в молодости, не обняла того, кого любила, не была рядом с теми, кому я была нужна, никогда не говорила о важном. Сама отказалась от своей семьи. Я не жила внученька, я дурью маялась, эгоизм свой тешила, характер показывала... А кому он сейчас нужен, этот мой дурацкий характер?

Тогда я внимательно слушала умирающую бабушку, но не до конца понимала, что именно старушка имеет в виду. Лишь спустя годы я осознаю, о чём мне говорила моя несчастная баба Дуся, пронзительная мудрость которой была выстрадана ею на собственных ошибках. Самое страшное в нашей жизни это не испытания, которые мы преодолеваем на жизненном пути (ни наша боль, ни наши разочарования, ни наши страдания и потери). Страшно однажды осознать, что жизнь прошла и времени что-либо изменить не осталось, а путь-то был не тот, не твой, не нужный, ошибочный, чужой... Но ты упрямо шёл вперед по этой не нужной тебе дороге, не оставив себе шанса свернуть, развернуться, пойти в другую сторону или что-нибудь изменить, пока не стало слишком поздно что-то менять

Я на всю мою жизнь осталась благодарна бабушке Евдокии за те два коротких месяца нашей неожиданной теплой дружбы, взаимной заботы и семейной поддержки, которые вернули мне веру в себя и в людей. Но, сама того не ведая, баба Дуся сделала для меня гораздо больше, чем собственная квартира и ощущение твердой почвы под ногами. Бабушка Дуся подарила мне самую настоящую верную и надёжную опору, которая отныне и на всю мою жизнь станет одним из самых близких и дорогих мне людей — мою подругу Гавриловну.

— Знакомьтесь, девоньки. Настасья, это моя внучка Алевтина, существо беспомощное и отвратительно наивное. Ты здесь без меня за ней присмотри, чтобы никто не обижал.

Анастасия Гавриловна Ланевская, её муж Роман и сын Андрей были соседями моей бабушки Дуси по лестничной клетке. И подобно тому, как наши квартиры были расположены дверь в дверь, так и мы с Настей всю нашу жизнь прожили душа в душу. В те далёкие благодатные времена, порой, соседи были ближе родственников, вот и мы с Гавриловной (как её именовал весь двор) стали гораздо ближе, чем родные сестры.

Завет бабы Дуси опекать меня, ответственная Настасья восприняла буквально, чем поначалу меня даже смутила, поскольку я не ожидала заботы и участия от постороннего человека. Мне было неловко и непривычно от такой ненавязчивой опеки, на что Гавриловна лишь по-свойски махала рукой и продолжала помогать. Будучи на семь лет старше меня, Настя не видела никакой проблемы в своей заботе обо мне и Сонечке.

Мы неплохо ладили, но поначалу я часто чувствовала себя несмышлёной девчонкой, не приспособленной к жизни без мужа. Беркутов разбаловал меня своей заботой и руками, растущими из нужного места, поэтому я понятия не имела, как вызвать сантехника, электрика, и прочих полезных в хозяйстве мужчин. Настя традиционно посмеивалась, звонила куда надо, вызывала, кого необходимо и стояла над душой исполнителя до тех пор, пока лично не убе-

дится, что всё работает как нужно. Только после этого Гавриловна вручала умельцу вожденную бутылку (универсальное средство платежа тех времен). А я стояла рядом и растеряно хлопала глазами. Со временем Гавриловна стала для меня чем-то средним между любимой старшей сестрой и верной подругой. В ней была настоящая житейская мудрость и та самая пресловутая практичная жилка, которой так не хватало мне, и которая позволяла нам выжить в самые нелегкие времена.

Но по-настоящему мы с Гавриловной подружились на фоне одного занятного случая, когда я просто не смогла остаться в стороне и молча смотреть, как бессовестно обманывают мою чудесную соседку.

Дело было летом, накануне какого-то важного мероприятия в военной части, в которой служил Настин муж, майор Ланевский. На мероприятие были приглашены все офицеры вместе со своими женами.

— Ох, не люблю я весь этот пафос, — тягостно вздыхала Настёна. — Ну какая из меня офицерская жена. На мне все эти шляпки-кружавчики, как на корове седло.

Это было правдой. Настя была женщиной статной, высокой, с красивой пышной грудью и тонкой талией. У нее были роскошные длинные волосы и красивые густые брови. Но проблема заключалась в том, что все, присутствующие в гардеробе моей подруги наряды, категорически ей не шли. Гавриловна выглядела несуразно в платьях невнятной длины и расцветки, и именно поэтому убедила себя в том, что она некрасивая. Просто, выросшая в деревне и посвятившая себя семье, Гавриловна не знала, как подчеркнуть свою красоту, и совершенно не умела красиво одеваться. В целом боевая, смелая и пробивная, Настёна имела лишь один комплекс, и касался он красивой женственной одежды, которой у неё, попросту, никогда не было.

— В повседневке мне привычнее и удобнее, — оправдывала себя бесхитростная Настя, и носила некрасивую, но удобную и практичную одежду.

И она с чистой совестью отказалась бы от посещения торжественного мероприятия на работе у мужа, отправив Романа туда одного, но вдруг неожиданно передумала.

— Уведут ведь, — хмуро призналась мне однажды подруга, и поделилась своей болью.

Якобы, жена одного из высших офицеров по секрету поделилась с ней новостью о том, что дочка какого-то полковника засматривается на ее Романа. Эта же «милая» женщина, нависая на Насте в подруги, вызвалась помочь ей с нарядом на торжество. Наивная и доверчивая Гавриловна, не искушенная в бабских интригах, с радостью согласилась.

В тот вечер я была в настоящем культурном шоке, когда счастливая Настя продемонстрировала мне тот ужас, который для неё подобрала «заботливая» офицерша, в качестве праздничного наряда на важное светское мероприятие.

— Красота, скажи?! — залихватски подмигнула мне рослая Гавриловна, затянутая в какую-то несуразную пеструю тряпку, выглядевшую настоящей безвкусной дешевкой.

Я же лишь растерянно потёрла лицо ладонями, соображая, что я смогу сделать за сутки, чтобы помочь подруге.

— Что, плохо? — правильно поняла мою реакцию Гавриловна.

— Ужасно, Насть, — честно призналась я. — В этом нельзя показываться на людях.

Я опасалась, что Гавриловна обидится, или не поверит мне, заподозрив в зависти к новой тряпке. Но Настя как-то сразу поверила в то, что её обманули, доверившись моему мнению.

— И что делать?

У меня был внушительный опыт светских мероприятий и контакты портнихи, способной сотворить чудо и сделать из Насти королеву (к счастью, у супруги майора Ланевского были средства на дорогие наряды). Но для того, чтобы меня, теперь уже бывшую жену Виктора Беркутова, приняли в том ателье, мне пришлось звонить бывшей свекрови, чтобы она составила мне протекцию. Свекровь не просто не отказала, она сделала гораздо больше. Она, женщина с большими возможностями, настоящая светская дама, договорилась с помощницей той самой

портнихи, и прислала девушку ко мне на дом. Следующие сутки мы шили для Гавриловны платье, достойное кремлевского приёма.

На том мероприятии Гавриловна произвела настоящий фурор, вызвав заслуженную гордость Романа и зависть всех офицерских жен. Параллельно она выяснила, что глаз на её мужа положила вовсе не гипотетическая дочка полковника, а та самая офицерша, которая решила выставить Настю на посмешище.

Но Настя в долгу не осталась, публично посмеявшись над этой офицершей за отсутствие у неё вкуса и средств, и по большому секрету рассказав всем, что наряды эта женщина приобретает на вещевом рынке (ведь именно там было куплено то ужасное платье для самой Гавриловны). По законам жанра, местный бомонд офицерских жен безоговорочно поверил Анастасии Гавриловне Ланевской, одетой в дизайнерское платье от лучшего московского ателье.

— Алька, если бы не ты, — растроганно всхлипывала потом Настя. — Спасибо, подруга. Как хорошо, что ты у меня есть.

Так я обзавелась настоящими друзьями, Гавриловной и её замечательным семейством. Молчаливый и основательный Роман Ланевский относился к нам с Соней, как к близким родственникам, и на правах главы семьи, как мог, помогал и поддерживал. Настин сын Андрей, который был на пять лет старше Сонечки, присматривал за моей дочерью, как за родной сестрой, забирал по утрам её с собой в школу и отводил домой после уроков. Гавриловна ждала детей дома, кормила их обедом и следила, чтобы оба сделали уроки, пока мы с Романом были на работе. А по вечерам мы часто собирались все вместе за ужином в их большой квартире. У меня снова была семья, забота и всесторонняя поддержка близких людей. С тех пор я и сама начала понемногу оживать, и даже чаще улыбаться, потому что мне снова было на кого опереться в жизни.

Моя бывшая свекровь не стала скрывать от Виктора мой новый адрес, поэтому Беркутов незамедлительно объявился и даже успел примелькаться перед Гавриловной.

Мой откровенный рассказ о причинах нашего развода Гавриловна услышала не сразу, а спустя довольно продолжительное время, когда прямо спросила, что за мужик меня донимает, и что ему от меня нужно. Я и призналась, что это бывший муж, который просит меня вернуться к нему. Я тогда рассказала и про его измену, и про его дочку Зиночку.

Однако, вопреки моим ожиданиям, умудрённая жизнью Гавриловна отреагировала весьма необычно.

— Ты знаешь, Алька, — подумав немного, заявила прямолинейная подруга. — Вот если бы мой загулял, и ребёнка мне привёл, я его основательно так поколотила бы.

Да, Настя могла, рука у неё была тяжёлая.

— Но вот если бы он этого ребёнка, без мамки оставшегося, как кутёнка ненужного на улицу бы выбросил, (зная, что его грех), я бы его выгнала, — добавила она. — Потому, что с кабелем ещё можно свыкнуться, а вот выродка, способного собственное дитё на произвол судьбы выбросить, поганой метлой гнать от себя надо.

Я сидела, оглушенная Настиной логикой, потому что всегда смотрела на проблему лишь через призму своей обиды на Беркутова и своего публичного унижения, ставшего для меня невыносимым бременем. Я эгоистично думала лишь о себе, и никогда не смотрела на ситуацию вот так, с его стороны.

— А твой ничего, молодец, — продолжала Настя. — Принял, врать не стал. Мужик он, Алька. Мужик! Беспутный, конечно! Негодяй он, согласна! Но он человек, а не выродок! Дитё не выкинул, не открестился, принял, согрел, кормит. Сонечку содержит. И тебя, дуру, до сих пор любит, иначе бы не бегал за тобой, не уговаривал. Я бы простила.

Слова Насти, впервые с момента развода, заставили меня задуматься. И я вдруг с ужасом осознала, что если бы моя мама была такой же мудрой, как Гавриловна, если бы она тогда не кричала, а вот точно также помогла мне взглянуть на ситуацию под другим углом, от обратного, то не было бы никакого развода. Но какой смысл теперь винить маму, если я сама дура и эгоистка?

Гавриловна была права в своем совершенно простом житейском подходе.

Смогла бы деревенская бабка доказать его отцовство, если бы Беркутов тогда упёрся и не признал девочку? Угрозы парткомом, комсомолом и прочими уполномоченными ведомствами в те времена уже мало работали. А в отношении высокопоставленных чиновников, каковым в те годы был сам Виктор Беркутов, они вообще никогда не работали. Потому что, рука руку, как известно, моет. Вот и прикрывали коллеги грехи друга, и не давали ни хода, ни огласки подобным скользким делам, затягивая их годами. Тесты ДНК в те времена не проводились. Для того, чтобы устанавливать факт отцовства в суде нужны были деньги и связи. Кроме того, для суда необходимы были веские доказательства, а возить из тульского села свидетелей короткого романа Лидии и Виктора (если таковые имеются) — это долго и дорого. Жить с ребёнком в Москве, чтобы доказать отцовство Виктора, бабка Зины вряд ли бы смогла себе позволить. Потому, велика вероятность того, что заяви Беркутов в ту ночь, что бабка сошла с ума или является мошенницей, а он сам впервые видит и ее, и девочку, то старуха, скорее всего, махнула бы рукой и поехала бы обратно в своё село. А маленькая Зина после смерти большой бабушки оказалась бы в детском доме. И Виктор тоже все это прекрасно понимал. Не мог не понимать, потому и не бросил. Потому что дочь, родная кровь, пусть и ненужная, но раз уж так получилось.

А если бы это я оказалась на месте Лидии? И мой ребёнок, моя Сонечка, могла бы отправиться в детдом лишь потому, что её отец оказался трусом и выродком? Как бы тогда я смотрела на решение Виктора Беркутова признать неудобную дочь?

Ответ был очевиден, и этот ответ заставил меня сильно пожалеть о моём решении развестись с мужем.

Глава 5. Про ошибки молодости, запоздалые раскаяния и обидные недоразумения

Виктор

Москва, вторая половина 1980х.

Говорят, что ошибок не совершает лишь тот, кто ни черта не делает. Поэтому я, как человек всегда занятый делом, преимущественно спокойно относился к любого рода ошибкам, и праву человека время от времени их совершать. Себя я тоже, кстати, не ограничивал.

Только однажды мне пришлось на собственном печальном опыте убедиться, что некоторые ошибки требуют заплатить за них высокую цену. Слишком высокую, иногда неподъёмную.

Даже сейчас, спустя годы, я не могу ответить на простой вопрос: «зачем»? За каким лысым бесом оно мне было нужно?

Не знаю, просто так получилось.

Хотя нет, знаю. Отлично знаю, но от этого лишь ещё хуже.

Моя Алька поразила меня с первого взгляда. Меня, взрослого (как я тогда думал) мужика, уже окончившего университет и начавшего (с места в карьер) успешно продвигаться по службе в центральном аппарате Госстроя СССР.

Миниатюрная, нежная, хрупкая статуэтка, светловолосая красавица с пронзительным взглядом, перед которой хочется пасть на колени и преданно целовать её ножки. Драгоценное украшение, девочка-мечта, на которую было не налюбоваться. Я потерял голову и бредил лишь ею. Только этой моей мечте было всего семнадцать, и у неё было образцовое воспитание, не допускавшее даже мысли, что эта идеальная девочка способна сделать хоть одно недостойное телодвижение. А ещё у Алевтины была строгая маменька, которая не прогнала меня взащей лишь по причине того, что я был сыном самой Веры Беркутовой, знаменитого театрального критика и преданной вдовы известного советского архитектора. Пришлось ждать совершеннолетия моей маленькой Альки.

Дождлся! Как только она окончила первый курс университета, я сразу отвёл её в ЗАГС. Не верил собственному счастью, любуясь этой непорочной, чистой и светлой красотой. Предвкушал счастливую семейную жизнь с таким нетерпением, что приходилось напоминать себе, что я взрослый приличный человек и уже серьёзный государственный чиновник, а не малолетний пацан, не способный обуздать собственные буйные гормоны.

Однако, реальность оказалась совсем не такой, какой я её себе представлял. Насладиться интимными прелестями семейной жизни мне, по сути, так и не удалось, потому что Алька отчаянно смущалась и не разделяла моего бешеного энтузиазма.

Я был молодым и здоровым мужиком, с вполне определёнными физиологическими потребностями. А моя юная жена оказалась неиспорченной, скромной и наивной недотрогой, не понимавшей моих гормональных порывов. Её безупречное поведение и идеальное воспитание неожиданным образом проявились и в нашей постели. Она крайне сдержанно позволяла мне любить себя, но сама никаких инициатив и заинтересованности не проявляла, никаких потребностей или увлеченности не демонстрировала. Она прекрасно понимала, чего я от неё хочу, но была в настоящей, искренней растерянности оттого, почему так часто?

Ну как мне было объяснить неиспорченной хорошей девочке, что в супружеской постели кошунственно спать, когда у нас с ней медовый месяц. Я ведь даже думать о ней спокойно был не в состоянии. Как я мог бы безучастно смотреть на неё? Как мог бы смиренно лежать рядом с ней в одной кровати? Да меня от одного взгляда на неё, хрупкую, нежную, полуобнаженную, одуряюще пахнущую, внутри все закипало. Как мне было донести до моей образцовой скромницы свои потребности, если в нашей стране секса нет? Приходилось действовать предельно

осторожно, чтобы не обидеть, не напугать, не оскорбить, не утомить, не дать повода разочароваться во мне. Мне было мало её, а моя Алечка жила в твердой уверенности, что у нас с ней всё в порядке. Я даже не был уверен, приятна ли ей интимная сторона наших отношений, или она просто терпит мой темперамент, потому что должна. Я рассчитывал на взаимность и настоящую страсть, а Алька, скорее всего, просто не знала, чего я от неё жду.

Наверное, мне, дураку, просто надо было поговорить с ней, спросить, выяснить, поинтересоваться, объяснить, насколько для меня это важно. В конце концов, научить (ведь я же понимал, что она неопытна и невинна). Но я этого не сделал. Если бы она хоть намёком показала, что ей нравится эта сторона супружеской жизни, что она получает удовольствие от нашей близости, я бы, разумеется, вёл себя иначе, был смелее, откровеннее, настойчивее, и с чистой совестью закрывал бы все свои потребности в семье, только с ней. Но она не говорила, а я, идиот, не спрашивал. Мне казалось, что я оскорбляю это безупречное совершенство своими низменными и пошлыми поползновениями в её адрес. Поэтому, я решил, что будет правильнее не слишком её утомлять моими потребностями. И стал регулярно находить необременительные варианты на стороне, просто, чтобы сбросить напряжение.

Тогда все так жили. Абсолютное большинство известных мне супружеских пар жили именно так, и никто не делал из этого проблему или катастрофу. Мудрые мамы объясняли своим наивным дочерям, что мужчины так устроены! Сам понимаю, что это дурацкие оправдания, но других у меня все равно нет.

Тем не менее, моя сдержанная страсть очень быстро дала свои закономерные плоды, вынудив ещё меньше беспокоить жену своими ласками. Уже спустя два месяца после нашей свадьбы моя идеальная Алька смущённо сообщила, что беременна. А я тогда впервые почувствовал, как от нежности щемит сердце.

Девочка моя, ты же сама ещё совсем ребёнок.

Во время беременности жена чувствовала себя не слишком хорошо. Какая уж тут близость? После родов стало только хуже, потому что к её нестабильному самочувствию и постоянной слабости добавились бессонные ночи и физическая усталость. И это всё помимо того, что домашние дела никто не отменял. Она не хотела слышать про няню или помощницу, считая, что хорошая жена и мать должна справляться сама. А я не смел спорить, настаивать или расстраивать её, хотя искренне считал, что вместо приготовления вкусного ужина ей следовало бы просто выспаться. Я дышать на неё боялся в тот период, не то, что прикасаться. И я понятия не имел, как ей помочь, поэтому просто решил избавить её от части домашних обязанностей, уехав в командировку, в надежде на то, что в моё отсутствие она поживет у своей матери, и та ей немного поможет прийти в себя.

Я знаю, что я мерзавец и негодяй. Это спустя много лет, пройдя все круги моего персонального ада, я понимаю, каким идиотом тогда был. Понимаю, что было бы гораздо лучше для моей семьи, если бы я чистил картошку, чтобы сварить нам суп, пока она спит, или с коляской бы гулял пару часов, давая ей отдохнуть. Но эти здравые мысли не пришли тогда в мою бестолковую голову, потому что я был эгоистом и потребителем. Только потеряв жену и дочь, я осознал, как сильно люблю их! А тогда я даже не думал, что могут случиться какие-то проблемы! Кто же рискнёт создавать проблемы высокопоставленному чиновнику Госстроя? Я нашёл удобные варианты, как мне сбросить напряжение не беспокоя, не смущая и не напрягая при этом мою драгоценную, и без того, усталую и измученную жену. Я никогда не считал это изменой. Ну какая, к чертям, измена, если там была одна сплошная физиология, и я даже их лиц не помню!

В той тульской командировке я не планировал задерживаться больше, чем на неделю. Но наш главный неожиданно подписал изменения в проект уже начатого строительства, и мне пришлось контролировать укрепление уже существующих фундаментов и монтаж дополни-

тельных несущих конструкции (чтобы эти запоздалые изменения в проекте потом не стоили мне должности, репутации или свободы, если здание сложится).

В итоге, я задержался под Тулой почти на полгода. Просто так получилось. Лидка работала в столовой, обслуживающей наше строительно-монтажное управление, и с первого дня предельно конкретно дала понять, что готова утолить любой мой голод, было бы сказано. Я и не удержался. Тёплая, живая, весёлая, молодая, крепкая, раскованная баба, которая знает, что нужно мужику и готова всё это дать. Очередной удобный и необременительный вариант, с которым можно не церемониться и не сдерживаться. Отвёл душу, сбросил напряжение, успокоился, расслабился, пришёл в себя, и довольный вернулся домой, к любимой жене.

О том, что Лидка родила, я узнал спустя лишь два года, когда снова приехал в тот посёлок с плановой проверкой построенного объекта.

— Ты не думай, Виктор, нам от тебя ничего не нужно. Я для себя...

— Чой-то, не нужно? Дурёха! — возмутилась тогда Лидкина мать. — Крыша, вон, на голову падает. Дом совсем худой. Неужто большой московский начальник лишней копейки для своей дочери не найдёт?

Большой московский начальник идиотом не был и намёк бабки понял сразу. И купил молчание этой семьи, уже тогда понимая, что Алька не простит, если узнает. Поэтому, вскоре Лидка с матерью и маленькой Зиночкой переехали в новый добротный кирпичный дом (даже роскошный по поселковым меркам). А раз в полгода Лидия получала перевод из Москвы на сумму, вполне приемлемую для содержания ребёнка.

Наверное, я чёрствая скотина, но никаких отцовских чувств к Зинаиде у меня не было. Было неодобрение к ситуации в целом, и равнодушно-молчаливое принятие Лидкиного решения её родить (не более того). Я не считал, что обязан любить ребенка. Для проявления любви и отцовских чувств у меня была малютка Сонечка, рождённая любимой женщиной. Я до сих пор искренне считаю, что детей должна рожать именно любимая женщина. Но так получилось...

А тогда мне казалось, что всё предельно просто: мне обозначили проблему, и я её решил. Точка! Я даже не особенно волновался, понимая, что Лидка, баба умная, и не собирается ехать к моей жене и раскрывать ей глаза на неверного мужа и мою измену. Да и какая может быть измена? Кто она и кто Аля? Разве можно изменить хрупкой нежной фее с простой деревенской бабой? Нет, это не измена. Так, одни пошлые гормоны и удобные обстоятельства, которые слегка вышли из-под контроля. Разве это измена? Ну смешно же!

Смешно!

Только в июньскую ночь, когда нашей Сонечке исполнилось семь лет, смеяться мне вдруг резко расхотелось. Потому, что прощальный привет от простой деревенской бабы оказался сокрушительным и фатальным, разрушившим всю мою жизнь и жизнь самых дорогих для меня людей.

Моя хрупкая нежная фея, моя образцовая девочка-недотрога, моя ненаглядная Алька, оказалась той ещё непримиримой фурией, к которой было невозможно подступиться, чтобы вымолить прощение.

Я был оглушён неожиданным появлением Лидкиной матери и ребенка. Я растерялся. Я повёл себя как идиот бесхребетный, позволив моей нежной девочке с горяча надеть глупостей. Я дурак, что допустил наш развод!

Ведь знал же, насколько для неё важно, чтобы всё было внешне прилично, красиво, правильно. Знал, что её гордость и это гребанное общественное мнение перевесят. И всё равно надеялся. Пытался уговаривать, убеждать, на коленях стоял, горы золотые обещал, лишь бы передумала и вернулась. Потому, что заткнуть дыру в сердце все никак не получалось. Без неё у меня ничего не получалось, ни жить, ни дышать, ни существовать. Дурак был молодой.

Это я сейчас понимаю, что надо было действовать по-другому. Надо было тогда брать их с Соней и увозить подальше из Москвы. На Урал, в Сибирь, в тайгу, куда угодно, лишь

бы там её никто не знал. Лишь бы она не видела вокруг себя знакомых лиц, наслышанных о нашей семейной драме. Лишь бы не отирались вокруг нас многочисленные доброжелатели, сочувствующие нашей семейной трагедии. Уверен, вдали от всех, я бы уговорил её, убедил, уломал, вымолил, не оставил бы ей выбора. Если бы тогда увёз. Но я не увёз. Просто не додумался. А история, как известно, не приемлет сослагательных наклонений, и все эти «если бы, да кабы» уже ничего не изменят.

Больше года я ходил, как пёс брошенный, вокруг нашего дома, пока она не переехала оттуда в квартиру своей бабки. Заявила, что ей невыносимо жить в доме, где всё напоминает «о нас». Переехала и даже не сообщила, куда именно. Спасибо моей матери, нашла способ выяснить новый адрес жены на Дорогомиловской.

Только я не понял, для чего ей портниха и новое платье? Нашла себе кого-то?

От мыслей, что у Альки может появиться другой мужчина, мне тогда впервые стало дурно.

Нет! Она не может!

Мозгами понимал, что она — разведённая свободная женщина, и имеет право на новые отношения. И именно тогда в мою дурную башку стали впервые закрадываться здравые мысли о том, что все мои сторонние связи в период нашего брака, наверное, все-таки были изменами. Ведь это же просто кошмар, как невыносимо больно, когда любимый человек с кем-то другим, а не с тобой. Это открытие стало одним из самых первых моих уроков в длинной череде судьбоносных прозрений. И самым мерзким было то, что по-настоящему меня добил даже не наш развод, а новость о том, что моя нежная девочка нашла себе другого мужчину.

К тому времени я уже нашёл для Зинаиды няню, молодую женщину по имени Нинель, которая заверила меня, что ребенок будет под надежным присмотром. Я поселил их обеих у своей родной тетушки, одинокой и бодрой старушки, которая даже обрадовалась неожиданному подарку судьбы. Я думал, что развязал себе руки и позаботился о Зинаиде. Теперь стоило снова попытаться счастья и попробовать поговорить с Алевтиной, теперь уже предметно, без страха, что Зина будет вечно стоять между нами.

Тогда я ещё не до конца осознавал, что мой нездоровый энтузиазм и возобновление попыток вернуть жену, был подстегнут рассказом матери о срочном заказе Алькой нового платья.

В тот день я не застал её на работе, заехав в отдел милиции, где она работала. Более того, дежурный скупко сообщил, что следователь Беркутова в этом отделении больше не служит. Куда делась моя Алька, дежурный говорить отказался, буркнув «не положено».

Я в недоумении курил на крыльце отделения милиции, когда бабка-дворничиха сделала мне замечание.

— Ну, чаво мусоришь-то? Убираю тут за вами цельными днями...

— Мамаша, ты Алевтину Беркутову знаешь? — решил попытаться счастья я.

— Алечку? Знаю, конечно, — улыбнулась бабка.

— Почему она уволилась?

— Так по состоянию здоровья, милоч, — расплылась дворничиха в такой умильной улыбке, что у меня сердце удар пропустило.

С такими выразительными улыбочками смотрели когда-то наши пожилые соседки на мою беременную жену, когда Алька носила Сонечку.

Нет!

— Есть у неё кто-то? — сквозь вату в ушах уточнил я.

— Заезжал за ней один, — кивнула бабка весомо. — Видный такой, высокий, военный...

Я рванул на Дорогомиловскую, в квартиру, которую ей оставила бабушка. Но и здесь никого не застал. Однако решил дожждаться. Сам не знаю зачем. Наверное, потому что пока ещё сам не верил, что всё, конец.

Уволилась по состоянию здоровья....

Новый мужчина бережет мою, беременную от него Альку, и не позволил ей продолжать нервную и утомительную службу?

Почему-то, от этой мысли воротник рубашки стал невыносимо тугим, а промозглая поздняя осень — муторно-душной.

Одно дело знать, что она одна. Знать, что у неё никого нет и надеяться, что она остынет и вернётся. И совсем другое дело, быть грёбаным третьи лишним, несчастным бывшим мужем, топчущимся под чужими окнами, в надежде непонятно на что.

Её привёз домой какой-то военный на служебной волге. Действительно, видный. Высокий молодой мужик в форме майора. Я сидел в своей машине напротив дома и наблюдал, как они, весело и непринуждённо смеясь, выбираются из служебного автомобиля. Как он открывает для неё пассажирскую дверь машины, как отбирает сумку с продуктами, с мотивировкой «тебе нельзя носить тяжести», как вручает ей коробку с тортом и велит держать открытой дверь подъезда, пока он сам что-то выгружает из багажника.

Я смотрел на всю эту заботу и понимал, что теперь всё кончено. На этот раз, окончательно.

И снова вспомнился ответ бабки-дворничихи — «уволилась по состоянию здоровья». Но сейчас Алька выглядела вполне здоровой и весёлой. Наверняка, она снова беременна, и новый муж просто не хочет, чтобы она по расследованиям и местам преступления моталась. Она же хрупкая, нежная, впечатлительная. Молодец мужик, не то, что я!

И я мозгами-то понимал, что мне бы выйти, поздороваться, познакомиться. Ведь там с ними и мой ребёнок будет жить! Поздравить надо бы, счастья пожелать. Ну, чтобы нормально, по-человечески, ведь не чужие люди! Но я сидел неподвижно, лишь крепко стиснул зубы и сильно сжал на руле онемевшие пальцы. Да так и застыл, не в силах заставить себя с места сдвинуться, пока они в подъезд не зашли.

Ощущение потери было, кажется, ещё более острым и болезненным, чем в тот день, когда нас развели. Представить себе, что моя Алька с кем-то другим было невыносимо. Представить, что она беременна от кого-то другого было ещё невыносимее.

И я, как выброшенная на берег рыба, пару секунд хватал ртом воздух. И лишь умудрившись, наконец, сделать глубокий вздох, осознал, что плачу. По-настоящему, с надрывом, как по покойнику. Рыдаю потому, что держать это в себе уже невозможно.

Осознание жестокого бумеранга судьбы накрыло спустя всего пару минут, когда немного успокоившись, я вдруг отчётливо осознал, что именно пережила моя хрупкая нежная девочка, когда ей предъявили моего ребёнка.

Не измена говоришь? Простые гормоны, «ничего не значит» и «так получилось»? Ну раз так, то получай сам! Сполна и от души!

Господи, ну почему я такой мудака?

В тот вечер я много пил, а на утро обнаружил в своей кровати красавицу Нинель, няню Зинаиды. Выругался нецензурно, но от этого не стало ни легче, ни проще.

«Горбатого могила исправит!», — подумал я тогда, со злым мазохистским удовольствием отмечая, с какой невероятной скоростью моя жизнь летит ко всем чертям и обрастает ненужными и нелюбимыми людьми, рядом с которыми я быть совсем не желаю. Но, подобно абсолютному большинству несчастливых и смирившихся с этим людей, предпочёл плыть по течению, и не планировал ничего менять. Подобно большинству мужиков, потерявших цель в жизни, я наверняка бы спился, но спустя менее, чем через месяц, волей случая, был на три года командирован в восточную Европу, в одну из союзных республик, строить стратегический инфра-

структурный объект. Круглосуточная работа, как способ спасения от нерадостной реальности, как способ выживания с дырой в груди.

Алевтина

Москва, вторая половина 1980х.

— Ох, Алевтина, здравствуйте! Какая неожиданность! А мы вот с Зиночкой за подарками к новому году приехали! Вы тоже?

Я ещё некоторое время удивленно рассматривала молоденькую барышню в милой песочной шубке и модной меховой шляпке, державшую за руку дочь Виктора, Зинаиду, одетую не менее роскошно. Незнакомка довольно бесцеремонно остановила меня посреди Детского мира на Лубянке, где я покупала для Сонечки подарок к новому году.

— Зиночка, поздоровайся с бывшей женой нашего папочки, — проворковала раздетая барышня со злорадным превосходством в глазах. — Ох, я совсем забыла представиться, Нинель Беркутова, супруга Виктора. Рада познакомиться . . .

Так я узнала, что мой муж снова женился. Спустя два года после нашего развода, он женился! Наверное, это правильно, потому что не может человек страдать вечно (хотя я сама все ещё страдала и мучалась). А он женился, потому что его дочери была нужна мать (ведь я отказалась стать для неё матерью).

В ту ночь я выла в подушку (благо Сонечка уснула у Гавриловны и не могла меня слышать). Я настолько привыкла, что даже после развода он незримо (и зримо тоже) всегда был неподалеку, что просто не могла поверить, что Беркутов снова предал меня. Он выделял щедрые средства на содержание дочери, и, как мне хотелось думать, ненавязчиво пытался все исправить, дать время одуматься и вернуться. А я демонстративно брыкалась и задирала нос, демонстрируя неприступный вид и позволяя ему лишь общаться с ребенком. Видимо, я заигралась в неприступность, уверовав в то, что Беркутов никуда от меня не денется. А он взял и женился. Наверное, он просто устал.

После того откровенного разговора с Гавриловной, когда она заставила меня взглянуть на проблему иначе (его глазами) и сильно пожалеть о разводе, мы с Беркутовым больше не виделись. Я целыми днями пропадала в питомнике, постигая азы взаимодействия с четвероногими стражами правопорядка и пытаюсь, как можно больше успеть усвоить до выхода Светланы Григорьевны на пенсию. Иногда Роман, Настин муж, по пути домой забирал с работы и меня, а Гавриловна и Андрей присматривали за Соней. Но даже в этой своей вполне спокойной и устроенной жизни я всё ещё ждала, когда он придет. Но по иронии судьбы, словно в насмешку мне, упрямой и глупой, как только я поняла, что готова простить и вернуться, Беркутов больше не приходил.

После случайной встречи в Детском мире с его новой женой ждать я перестала. Тем более, что мне стало не до сердечных ран и обид на бывшего мужа. Близились суровые и тяжкие девяностые, страна стремительно разваливалась, и моя жизнь, после короткой передышки, сделала следующий неприятный кульбит, свалившись мне на плечи очередным катаклизмом.

Виктор

Москва, конец 1980х

Лишь спустя эти непростые три года, вернувшись в Москву из восточной Европы и первым делом поехав навестить Сонечку (которая всё это время почти не получала от меня внимания, кроме регулярных заграничных посылок и денежных переводов на своё содержание), я понял, что ошибся, что сделал неверные выводы, и что повёл себя, как малолетний пацан, упустив драгоценное время.

— Теть Насть, ко мне папа приехал! — радостно закричала сильно подросшая Софья, которая только что выбралась из жигулей, за рулём которых сидел тот самый майор, с которым я когда-то видел мою Альку у этого подъезда на Дорогомиловской.

На переднем сидении в жигулях сидела Алькина подруга, Настя Ланевская, живущая в соседней с Алькой квартире. А с заднего сиденья меня заинтересовано рассматривал взрослый парень лет семнадцати, удивительно похожий внешне на майора, сидевшего за рулем.

— Добрый день, Анастасия Гавриловна, — поздоровался я вежливо.

— Здравствуйте, Виктор, — узнала меня Алькина подруга, доброжелательно улыбаясь.

Майор тем временем тоже выбрался из автомобиля, обошёл его и протянул мне руку, здороваясь:

— Ланевский, — коротко представился он. — Роман, Настин муж.

Настин!? Не Алькин муж, а её подруги Гавриловны! Я идиот, больной на всю голову и с таким же нездоровым воображением... Я не только просрал собственную семью и три года жизни, я себе ещё и придумал *чёрт знает что* вместо того, чтобы с женой поговорить!

— Виктор Беркутов, Сонин отец. Рад знакомству, — ответил на приветствие я. — А где Аля?

— Она теперь в колхозе живёт, — хмуро и неодобрительно буркнула Гавриловна.

— Где? — опешил я, меньше всего в жизни представляя себе мою хрупкую нежную девочку жительницей колхоза.

— В подмосковном колхозе, — повторила Гавриловна. — Собак своих спасает. Да только собак много, а она одна. И здоровье у неё слабое, ей нервничать и напрягаться нельзя. Она сама быстрее загнетса.

Так я узнал подробности об Алькиной болезни и о проблемах Алькиного собачьего питомника.

Глава 6. Про нищету и безысходность

Алевтина

Москва, конец 1980х

— Алевтина Егоровна, в стране кризис! Ваше подразделение расформируют, питомник закрывают, штат сокращают. Что делать со служебными собаками, пока не решили. До конца текущего года финансирование вам существенно урезают, со следующего года сократят до минимума, в перспективе прекратят полностью. И ещё, вот предписание. Вам необходимо в течение месяца освободить все здания и территории, занятые питомником и учебным полигоном. Эти земли нужны властям для других целей. Через месяц здесь будут бульдозеры, так что поторопитесь...

— Алевтина Егоровна, принято решение усыплять собак....

— То есть, как усыплять? Вы с ума сошли? Это же преступление! Убийство...

— Не преувеличивайте, Алевтина Егоровна. Это всего лишь собаки. Мне тоже их жаль, но у государства нет денег на их содержание...

— Да вы хоть представляете сколько сил и времени нужно вложить, чтобы вырастить хоть одну такую собаку?

— К сожалению, я ничем не могу вам помочь. Разве, что убедить наше руководство не усыплять тех псов, которых готовы забрать. Найдите им хозяев и раздайте в добрые руки. Либо оставьте всё, как есть. Решать вам

— Как вы собираетесь расследовать преступления и обеспечивать безопасность без помощи служебных собак? Да вы там все с ума посходили...

Однако крики, упреки, слезы и угрозы были бесполезны. Государство решило сократить расходы, закрыв спецподразделение служебных собак, воспитываемых и дрессируемых для целей московской милиции. Многие государственные ведомства в те непростые времена испытывали нехватку финансирования, закрывались или расформировывались. Людей сокращали и отправляли «на улицу», что уж говорить о служебных собаках?

Девяностые были уже на пороге. Привычный мир стремительно рушился, и наша страна уже находилась на пути к развалу, стремительно катясь в бездну кардинальных перемен и погребая под руинами старой, привычной и устроенной жизни, всех тех, кто не успел сам о себе позаботиться. Служебные собаки моего питомника не могли позаботиться о себе сами. Поэтому, их судьбой пришлось заниматься мне.

Несколько лет после развода с Беркутовым пролетели одним днем, который я провела словно в тумане, мало отдавая себе отчёт в том, что вокруг меня происходит. Наверное, это была какая-то защитная реакция мозга, чтобы не сойти с ума.

Сонечка ходила в школу, очень хорошо училась и была поистине уникальным ребёнком, не доставлявшем мне никаких проблем и хлопот.

Я работала, отдавая всю себя моим четвероногим подопечным в кинологическом подразделении московской милиции. Помимо руководства питомником, я умудрилась получить дополнительное образование, и теперь была ещё и дипломированным инструктором по дрессировке служебных собак.

Кошмарные новости о планируемом закрытии питомника и грядущем усыплении собак, которым я не найду новых хозяев, заставили меня выйти из эмоционального анабиоза последних лет и начать действовать.

За месяц я, кажется, совершила невозможное, пристроив большую часть псов. Основную массу моих питомцев забрали себе ребята из московских аэропортов потому, что у воздушных гаваней, в отличие от большинства остальных структур, были средства на содержание собак. По этому же принципу, часть собак удалось пристроить на железнодорожные вокзалы (в том числе, и в других городах).

Многих разобрали домой мои коллеги-сослуживцы, в том числе, пенсионеры (бывшие поводыри служебных собак). Равнодушных не осталось, и многие сотрудники милиции подключились к проблеме, пристраивая животных по друзьям-знакомым. Я впервые порадовалась, что Светлана Григорьевна не дожидается до этого мракобесия. Представляю, что бы она устроила в кабинетах высокого начальства, получив предписание на усыпление обитателей своего питомника.

Тех, кого в добрые руки пристроить не удалось, мы с Михалычем (нашим сторожем и моим добровольным помощником) перевезли в ближайший колхоз, где Михалыч взял в аренду небольшую, огороженную забором территорию. На этой территории стоял просторный пустующий ангар и небольшое, довольно ветхое двухэтажное административное здание, вплотную пристроенное к ангару. Была там ещё крошечная бытовка с печкой-буржуйкой.

— Ну, просто царские хоромы, — шутил Михалыч, занимая бытовку и радуясь наличию печки.

Собаčky вольеры разместили в просторном ангаре. Административную пристройку заняла я, перевезя туда архив питомника и выделив себе небольшую спальню-кабинет под самой крышей.

Всё здесь в колхозе было очень ветхим, но зато аренда была подъемной, и здесь ещё можно было гораздо дешевле накормить животных, которым, итак, существенно урезали необходимый мясной рацион, переводя их на каши и супы.

Я была вымотана морально и физически настолько, что даже не заметила, как стала бывать в колхозе гораздо чаще, чем в Москве. И сама постепенно стала превращаться в колхозницу (как внешне, так и по самоощущениям).

Кое-как мы протянули год.

А к середине следующей осени одновременно случились две неприятные вещи.

Во-первых, стало катастрофически не хватать даже тех бюджетных средств, которые государство пока выделяло на наш питомник. Цены росли ежедневно, поэтому содержание собак даже в колхозе, было мне уже не по карману.

Тогда мне пришлось расчехлять собственные сбережения и даже брать на содержание питомника из тех денег, которые Виктор регулярно выделял для Сонечки. Но мне все равно не хватало.

Именно в тот ужасный период я прочувствовала на себе все переплести настоящей нищеты, когда мне нечем оплатить коммунальные платежи за квартиру, я едва наскребаю мелочь на электричку до Москвы и размышляю, что купить ребенку на ужин. В день, когда я осознала, что мне не по карману копеечные пряники для Сони, у меня случилась настоящая истерика.

Во-вторых, мы с Михалычем неожиданно получили предписание от администрации колхоза, гласившее, что к зиме (которая была уже не за горами) нам следует освободить арендуемые помещения. Потому что из-за ветхости они могли сложиться под тяжестью снега. А председатель колхоза не хотел брать на себя такую ответственность за сущие копейки, получаемые от нас в качестве аренды.

Зато, ответственность за меня, моих собак и даже мою дочь был готов взять на себя молодой и симпатичный бизнесмен (из так называемых, новых русских), имеющий несколько палаток с фермерскими товарами на московских рынках. Этот человек приходился родным

племянником председателю колхоза и на полном серьезе звал меня замуж (хотя мы с ним даже ни на одном свидании не были, и вообще мало общались).

— Эх, Алька, — заподозрил тогда неладное в истории с предписанием на освобождение арендуемых помещений смекалистый Михалыч. — Сдается мне, не спроста его дядька нас выселяет. Безвыходную ситуацию тебе создают, ироды. Чтобы, ты не особо ерепенилась, когда замуж тебя звать будут.

— Да не собираюсь я за него замуж, — возмутилась я этому абсурдному предположению.

— Это ты сейчас не собираешься, — буркнул прямолинейный Михалыч. — А то я тебя, дуру, не знаю. Вот как начнут наши псы с голоду дохнуть или в зиму на улице замерзнуть, так и соберешься сразу, хоть «замуж», хоть «без замуж», лишь бы собак накормить-обогреть.

На улице пока стояла сухая и теплая осень, поэтому в таком ключе я о проблеме и не думала, но Михалыч был совершенно прав.

— Уж и правда, Алька, шла бы ты замуж за кого-нибудь нормального, — выдал вдруг Михалыч.

— За кого? — вскинулась я. — Где ты видел нормальных, Михалыч?

— Не верещи, — пресек скандал Михалыч. — Вон, твой бывший каждую неделю сюда ездит, кормами помогает, а ты всё нос воротишь. Даже не вышла ни разу человеку спасибо сказать.

— Михалыч, мой бывший женат! — рявкнула я, потому что любые напоминания о Викторе вызывали раздражение и обиду. — А «спасибо» ты ему и без меня сказал уже много раз.

Я знала, что он вернулся из-за границы. Я знала, что он ищет встречи и помогает питомнику (только благодаря этой помощи мы ещё держались). Но я не могла найти в себе силы и показаться на глаза этому мужчине. Мне было отчаянно стыдно оттого, в какую парчушку превратилась его нежная трепетная девочка, красотой которой он так восхищался и гордился.

Он зрелый, ухоженный, элегантный красавец, только недавно вернувшийся из Европы (не смогла удержаться, чтобы не взглянуть хоть издали)!

А я? Кто теперь я сама? Хозяйка колхозного собачьего питомника, падающая с ног от усталости и считающая копейки?

Не хочу, чтобы Виктор видел меня такой!

Я уже почти год старалась не смотреть на себя в зеркало, чтобы не расстраиваться лишней раз. А когда он впервые приехал, я просто струсила, потому и не вышла к нему даже поздороваться.

Спустя многие десятилетия подружки моей внучки будут шутить, что лучшее противозачаточное средство — это отсутствие у девушки эпиляции. Нет, девчонки, самое надежное средство, способное заставить отказаться от встречи с мужчиной, это собственные комплексы.

Я привыкла быть красивой и ухоженной, поэтому тогда (будучи замызганной) предпочла просто спрятаться от Беркутова. У меня не было ни сил, ни денег, чтобы привести себя в порядок. Да и смысла в этом «порядке» у меня тоже не было. Зачем мне это в колхозе? Но даже тогда я не была готова признаться себе в истоках моей трусости, а также, в том, что истиной причиной избегать бывшего мужа был мой стыд от того, в кого я превратилась. Потому, что для меня всё ещё было важно его мнение.

Поэтому, я с чистой совестью нашла себе другое оправдание. Я убедила себя в том, что нам с Беркутовым просто не о чем говорить, значит незачем и встречаться. Какие могут быть темы для разговора у женатого человека и его бывшей супруги? У него своя семья, жена, ребенок. Причём здесь я?

Я знала, что он регулярно видится с Сонечкой. Знала, что после своего возвращения из Европы он стал очень часто забирать ребёнка погостить у его матери, моей бывшей свекрови. Поэтому, я решила, что общения с дочерью Виктору более, чем достаточно, и общаться со мной ему вовсе не обязательно.

Спустя ещё месяц я была в отчаянии. Денег не было. Их не было совсем, не то, что на переезд питомника. Найти новое место для размещения питомника тоже пока не получалось. Благодаря помощи Беркутова удавалось хотя бы кормить животных, но председатель колхоза всё чаще напоминал о предписании освободить до зимы арендуемые площади.

Вариант договариваться с председателем через его племянника (звавшего меня замуж), уже не выглядел невероятным и невозможным. Мне ясно дали понять, что если я буду сговорчивой, то питомник может остаться на арендуемых площадях сколько угодно долго. А ветхие крыши до снегопадов может быть даже успеют укрепить.

— А аренду мы им с каких херов платить будем? — возмутился Михалыч, не одобряя моего бараньего упрямства в отношении бывшего мужа.

Вопрос Михалыча был правильным, потому что со следующего месяца нам полностью прекратили бюджетное финансирование. Теперь питомник стал только моей головной болью (государство умыло руки).

— Я решила сдать в аренду свою московскую квартиру и перебраться в колхоз вместе с дочерью, — глухо ответила я, развернулась и ушла, чтобы не видеть выражения лица верного Михалыча.

— Какая же ты дура, Алька! Тьфу на тебя, бестолковую! — раздался мне в спину раздраженный голос Михалыча, и старик демонстративно громко хлопнул дверью своей бытовки.

Алевтина, Москва, конец 1980х.

— Егоровна, ты в своем уме? Какой колхоз? — кричала на меня Гавриловна. — Да тебе молока для ребёнка купить не на что, а ты только о своих собаках и думаешь! Ну, дура! Как есть, дура!

Я молчала, потому что подруга Гавриловна (как и Михалыч) была абсолютно права. Я и правда дура. Но я не представляю, что мне делать. Я виновата перед Сонечкой, я наплевала на себя (и превратилась в чёрт знает что), но и своих собак я не могу бросить. Просто взять и не приехать к ним, зная, что они без меня погибнут. Как подумаю о своих кавказских волкодавах (Улане и его потомстве), то даже речи быть не может о том, что я их брошу.

— Я найду деньги, Насть. Обязательно найду.

— Алька, я понимаю, дело благое и жаль их всех, четвероногих. Но почему ты решила, что псы дороже тебя самой, и дороже твоей дочери? Алька, ты повешешься в этом колхозе и ребёнка своего загубишь. Ну позвони ты уже своему Виктору и попроси помощи. Ну ведь не откажет же

— Он женат, Гавриловна. Женат! Понимаешь?

Да-да, именно это стало моей основной, навязчивой обидой последних лет! Ни его измена, ни его вторая дочь, ни даже наш чертов развод не причинили мне такой оглушающей боли, как новость о том, что он снова женился, чем окончательно предал меня. Иррационально и глупо, но именно так мне тогда казалось. Поэтому, просить о помощи Беркутова, я бы никогда не стала, даже понимая, что он обязательно поможет. Вот такая я неадекватная идиотка, которая ведет себя, как избалованный подросток и продолжает упрямо отмораживать назло бабушке и без того уже искалеченные уши.

— Ну и что, что женат? — всплеснула руками Гавриловна. — Думаешь, он вокруг тебя который год кругами ходит, потому что жену очень любит? Нет, Алечка, он все ещё тебя, дурёху, любит! И вернуть надеется.

— Угу, поэтому и женился...

— Ой, как женился, так и разведётся, если ты вредничать перестанешь. Ты же ему сама выбора не оставила, — рявкнула Гавриловна. — Сама все прекрасно понимаешь. Звони Беркутову, говорю!

— Не буду! Меня Селивёрстов замуж зовёт, его дядька обещал, что колхоз мне с питомником поможет.

— Ну, конечно! — подбоченившись завелась Настасья. — Лечь под чужого мужика ради денег, это нормально! А под своего, родного, это нельзя. Мы же, мать твою, гордые!

— Я так не могу, Насть, — всхлипнула я. — Не смогу, понимаешь? ... При живой жене. Я же из-за этого с ним и развелась...

— Ох, дура ты дура! И я такая же

Настасья нажаловалась на меня своему Роману и тот, истинный офицер и просто хороший человек, каким-то чудом раздобыл списанную из воинских частей арматуру, для каких-то целей необходимую председателю колхоза. Майор Ланевский оправил эту арматуру председателю по бартерной схеме, в зачёт аренды за питомник на ближайшие несколько месяцев. А ещё Ромка пристроил к себе в военную часть аж четверых собак, что накануне зимы было поистине щедрым подарком. А Гавриловна приютила у себя Сонечку, только чтобы я не забирала ребенка из московской школы.

— С квартирой сама решай, а Соньку я тебе не отдам! — с вызовом заявила мне подруга Гавриловна.

А мне от облегчения тогда захотелось рыдать.

— Не позволю сгубить девчонку в твоём колхозе! Только через мой труп! Поняла?

— Мы присмотрим, Аль, не волнуйся, — сдержанно заверил меня Роман.

— Ты сама-то есть не забывай, дурёха Звони, хоть ..., — с трудом сдерживая слезы, добавила Гавриловна, уже отчаявшись уговорить меня не возвращаться в колхоз.

Этот суровый жизненный урок, вероятно, тоже был мне для чего-то нужен. Потому, что, оказывается, в жизни случается и так, что чужие, по сути, люди становятся тебе ближе и роднее кровных родственников. Они просто помогают и поддерживают в трудной ситуации, не давая упасть и отчаяться. Уезжая на электричке в колхоз, и долго махая на прощание моим друзьям и оставленной на их попечение дочери, я поймала себя на мысли о том, что мне даже в голову не пришло позвонить родной матери или сестре, и оставить ребенка с ними. Это, наверное, очень страшно, когда человеку не на кого опереться. Хорошо, что мне так сильно повезло в жизни с Гавриловной и её мужем.

Виктор Конец 1980х.

Это просто удивительно, как быстро летит время. Мчится вперед с какой-то невероятной скоростью. Я оглянуться не успел, как в делах, в работе, в постоянных проблемах, и ежедневных заботах прошли пять лет, с момента нашего развода с Алей.

Зине было уже одиннадцать, Сонечке — двенадцать. Но лишь после возвращения из командировки я неожиданно осознал, какую непоправимую ошибку совершил, доверив воспитание Зинаиды заносчивой, тщеславной, завистливой и спесивой Нинель, которая использовала девочку лишь для того, чтобы как можно ближе подобраться ко мне, моей матери и поглубже нырнуть в нашу семью.

Раньше я закрывал глаза на откровенное лицемерие и жадность няни моего ребенка потому, что это были мелочи, и мне так было удобнее. Я опрометчиво полагал, что вижу её насквозь, вместе со всеми её жалкими попытками хитрить, притворяться и быть со мной

любезной. От неё за версту разило неискренностью и корыстью, а ещё далеко идущими планами на наше с ней совместное будущее, и я это ясно видел. И снова, как и в случае с Лидией, я уверовал в то, что сам контролирую ситуацию, и что в любой момент могу пресечь все не устраивающие меня перекосы в поведении Нинель, которая искренне уверовала в то, что у нас с ней *отношения*, и что она имеет на меня какие-то права.

Наивный и самоуверенный болван! Я совершенно не подумал о том, какой вырастет девочка под влиянием этой лицемерной женщины, которая никого не любила, кроме себя. Её единственной целью было уютно пристроиться рядом со мной, а не воспитать из Зины нормального человека.

Нинель откровенно пренебрегала своими обязанностями в отношении Зинаиды, больше интересуясь магазинами, тряпками и сплетнями. Зато хитрая няня научила девочку врать, интриговать, изворачиваться и приспособливаться, а ещё манипулировать и мастерски притворяться. Под руководством этой лживой особы моя дочь так и выросла с твердой уверенностью в том, что семья — это такие удобные люди, у которых нет выбора, поэтому они обязаны делать всё, что нужно Нинель и Зинаиде. Она убедила ребенка в том, что требовать от взрослых нужного результата необходимо постоянными капризами и безобразными истериками (пока Зина была маленькой), и полными наигранных слез глазками, пустыми обидами и упреками в том, что её не любят (когда девочка подросла). А если «ужасные взрослые» и после этого не реагируют правильно (то есть, так, как нужно Зине и Нинель), то, значит, их нужно наказать по заслугам. Например, подсыпать слабительное в чай приютившей их тетушке, которая, вот ведь злодейка, заставила Зиночку учить таблицу умножения вместо похода в цирк.

Знал бы я тогда, какое лицемерное и подлое существо воспитывает мою дочь, придушил бы ее своими руками. Но я не замечал ничего вокруг. Потому, что был слишком занят, собирая по кусочкам свою разбитую жизнь и пытаюсь научиться существовать без Альки, полностью погрузившись в работу, а Зинаида выглядела вполне довольной и искренне боготворила свою няню. Лишь это слепое обожание со стороны ребенка не позволило мне уволить Нинель после моего опрометчивого пробуждения с ней в одной кровати. Я тогда не нашел в себе сил отнять у ребенка, потерявшего мать, ещё и няню, ставшую для нее самым родным и близким человеком. Зина бы мне этого не простила. Девочка смотрела на свою няню, как на богиню и копировала её манеры. Манеры избалованной куклы с непомерными претензиями, которой все должны и обязаны, особенно я.

Это тоже была моя большая ошибка, мне не следовало переводить отношения с няней моей дочери в интимную плоскость. Но однажды накатило. Тоска по бывшей жене вымотала всю душу, и я сделал этот шаг, уже тогда понимая, что потом буду сильно жалеть. Но когда и кого это останавливало?

Долгие годы я регулярно, но безуспешно пытался вытравить из своей души безупречный образ моей Альки. Не вышло. И от понимания этого было ещё более мутно и тошно. Я устал и запутался. Я пустил свою жизнь на самотек, позволив событиям развиваться так, как им вздумается, почти без моего участия.

Под влиянием Нинель Зина росла избалованной, капризной, мнительной и обидчивой. Она рано научилась хитрить и притворяться невинной жертвой, чтобы давить на жалость и манипулировать взрослыми. При этом основным врагом, (виновником всех ее детских надуманных проблем и, поэтому, её же должником), Нинель в глазах ребенка выставляла именно меня. Маленькую Зину убедили в том, что постоянные упреки в мой адрес об отсутствии к ней отцовской любви, заставят меня активно и настойчиво доказывать ребенку обратное (и она сама, а вместе с ней ее няня, получают все что угодно). Вот только обе они ошиблись. Я не хотел никому из них ничего доказывать.

— *Папочка, а ты меня любишь?*

— *Конечно, дочка.*

— *Тогда женись на Нинель...*

Занятый работой, живущий отдельно (даже когда бывал в Москве), я не слишком часто навещал Зину, поэтому очень долгое время не замечал, как воспитание Нинель уродует мою младшую дочь.

Насколько сильно отличаются воспитанием мои дети, я осознал лишь спустя пять лет после развода, когда вернулся из восточной Европы и смог взглянуть на обеих непредвзято и после долгого перерыва.

И если Зинаида шокировала меня уже отчетливо заметным лицемерием, то Софья меня тоже шокировала, но по другой причине. Неожиданно я обнаружил, что моя старшая дочь — вторая Алевтина, ещё маленькая, но практически точная копия моей любимой женщины.

Воспитанная, тактичная, сдержанная, умная, начитанная, в свои 12 лет Сонечка была не просто красавицей и умницей. Уже тогда она была способна поддержать разговор, чётко и грамотно формулировать мысли и производить невероятно приятное впечатление достойной юной леди, у которой полный порядок в голове. Моя мать и её друзья были в настоящем восторге от Софии Беркутовой. В те периоды, когда Сонечка гостила у моей матери, Вера Беркутова была счастлива, устраивая камерные литературные вечера, на которых юная Соня наизусть цитировала Пушкина и участвовала в дискуссиях литературоведов, очаровывая бабушкиных коллег.

Нинель же исходила ядом, язвя, насмехаясь и пытаясь побольнее укусить Сою. Она даже не считала нужным скрывать своё хамское отношение к моей старшей дочери, пока не получила публичный выговор от моей матери (которая, таким образом, пыталась привлечь моё внимание к проблеме). Наверное, именно тогда я и решил, что от Нинель пора избавляться.

Зина же просто отчаянно завидовала сестре и втихоря пакостила, поскольку у нее самой (благодаря заботам Нинель) не хватало ни ума, ни образования, ни девичьего очарования, чтобы на равных конкурировать с Сонечкой.

Именно тогда у меня окончательно открылись глаза на то, в какой серпентарий превратилась квартира моей покойной тётушки за время моего отсутствия в Москве. Ранее Нинель хотя бы внешне старалась сдерживаться, сейчас же, видимо от длительного проживания внутри семьи, расслабилась и уверовала в собственную неприкосновенность и безнаказанность, раз пыталась открыто оскорблять Сонечку. Но следует отдать должное и самой Сонечке, она уже умела дать противнику достойный словесный отпор, предельно тактично ставя нахалку на место. В отличие от своей образцовой матери, Сонечка не росла тепличным растением и не терялась в обществе грубиянов и хамов, а была способна поставить наглецов на место.

В тот день, когда домработница моей матери, случайно обнаружила в Сониной обуви битое стекло, и заподозрила в этом Зину, я жестко предупредил дочь и ее няню, что ещё одна подобная выходка, и я уволю Нинель. Точнее, решение уволить Нинель уже было мною принято, но мне требовалось время, чтобы найти для Зинаиды другую няню.

Моя угроза сработала. На некоторое время наступило затишье.

Я сам не заметил, как стал проводить больше времени с Соней. Не потому, что так было положено, а потому, что мне самому это было остро необходимо. Словно так я мог быть ближе к Альке. После возвращения в Москву, я снова изнывал от тоски по бывшей жене, и снова сердце и душу выворачивало наизнанку. Я смотрел на нашу дочь, так похожую на свою мать, и понимал, что ничего не забыл, что по-прежнему безумно люблю свою нежную фею и хочу прижать её к себе крепко-крепко. А потом долго-долго благодарить её за нашу чудесную умную девочку, которой я так сильно гордился.

Алька, родная моя, ну, что же мы творим? А главное, зачем?

Безумно хотелось просто увидеть её. Вот только моя гордая и неприступная Алька видеть меня не желала. Она запретила сторожу пускать меня на территорию питомника, и так ни разу

ко мне и не вышла, хотя я регулярно отправлял туда небольшую спонсорскую помощь, зная об их тяжелом положении.

— Сонь, как у мамы дела? — спросил я дочь в один из вечеров, который мы с ней проводили в доме моей матери.

Сонечка запрокинула голову и очень серьезно, по-взрослому, посмотрела мне в глаза.

— Всё плохо, пап! Кажется, мама собирается выйти замуж за Селивёрстова, он обещал денег на питомник.

— Она сама тебе сказала? — едва сдержавшись, чтобы не зарычать от злости уточнил я. — Про замужество?

— Нет, я слышала, как они с тётёй Настей разговаривали, — вздохнула Сонечка. — Замуж мама совсем не хочет...

Вот значит как? Ну что же, отличная новость! Если моя неприступная Алечка готова выйти замуж ради денег, то почему бы не за меня?

С каким-то злым подростковым азартом, питаемым ревностью и уязвлённым самолюбием, пусть бывшего, но все-таки мужа, я принял решение вернуть себе мою Алевтину (пусть даже используя для своих целей проблемы её драгоценных псов). Поэтому, первое что я сделал тем же вечером, это попросил мать ещё раз, уже более настойчиво, пригласить неуловимую Алевтину Беркутову на предстоящий юбилей её бывшей свекрови.

Глава 7. Про трещины в броне

Алевтина

Подмосковный колхоз, конец 1980х.

Разместившись в колхозе, в маленькой комнатенке под крышей арендуемой двухэтажной пристройки, весь следующий месяц я упрямо искала выход из безвыходной ситуации, с каждым днем всё сильнее сгибаясь под неподъёмной тяжестью моей безрадостной жизни.

Сколько нужно времени, чтобы молодая, в прошлом красивая женщина превратилась в неухоженную уставшую тетку, под гнётом недосыпа и тяжелого физического труда? Под гнётом постоянных переживаний и волнений? Под гнётом нескончаемых проблем, падающих на голову, как из рога изобилия? Под гнётом нищеты и острого чувства беспомощности и безысходности?

Как оказалось, времени на это сомнительное преобразование нужно совсем немного.

А с наступлением холодов, когда Михалыч все чаще начал согреваться самогоном, я поняла, почему деревенские жители быстро спиваются. От этой нелегкой, совершенно безрадостной и беспросветной жизни, в окружении разрухи и уныния, не то, что сопьёшься, иногда хотелось наложить на себя руки. Или присоединиться к Михалычу и заглушить свою безысходность крепким алкоголем. Каким-то невероятным усилием воли я тогда удержалась от падения в эту бездну, из которой нет спасения и выхода. Наверное, ещё и потому, что часто вспоминала в те дни покойную Светлану Григорьевну, маленькую несгибаемую старушку, которую уважали не только кавказские волкодавы, но и большие начальники в высоких кабинетах. Она доверила мне питомник и своих собак. Она научила меня быть сильной и идти до конца.

Разве могла я её разочаровать? Разве имела я право сдатьсь?

Однако, отчаяние накатило снова, когда в один из ноябрьских дней, от председателя колхоза пришло повторное уведомление о необходимости до конца декабря освободить аварийный ангар и административную пристройку, из-за опасности их обрушения. Выторгованная Романом Ланевским отсрочка по оплате аренды за питомник (благодаря бартеру с арматурой) подходила к концу, и позволить питомнику остаться в колхозе на всю зиму председатель, явно, не планировал. Он повторно письменно (и очень настойчиво) предупреждал меня, что арендуемые здания — ветхие, и администрация колхоза не желает нести ответственность, если зимой под тяжестью снега и наледи прогнившие крыши упадут нам на головы.

Ненастная осень давно вступила в свои права, и на улице было уже ощутимо холодно. А накануне зимы с собаками и инвентарём деваться мне было совершенно некуда. От усталости и безысходности у меня опускались руки и уже не было никаких сил бороться. Я чувствовала себя сломленным и беспомощным существом, выброшенным в мороз на улицу. Вторую ночь я не спала и уже шаталась от бессилия и презрения к себе, потому что завтра утром собиралась звонить Селивёрстову, чтобы обсудить его сомнительное предложение и договориться, какие выгоды я получу от брака с ним.

Мои нерадостные планы в отношении Селивёрстова внезапно изменил утренний телефонный разговор с Гавриловной. Я позвонила подружке в поисках совета и моральной поддержки, но вместо этого получила оглушительные новости, заставившие меня очнуться. У Сонечки в школе случилось ЧП, одну из её одноклассниц изнасиловал отчим... Услышав это, я зажала рукой рот, чтобы не разрыдаться от ужаса и начинающегося нервного срыва.

Гавриловна тысячу раз права — я дура! Я идиотка! Я — отвратительная мать, у которой красавица-дочь растёт, как сорная трава у дороги, никому не нужным ребёнком, без родительского присмотра. Потому, что её безумная мать занята спасением собак, и совсем не думает о своей маленькой девочке. Более того, сейчас эта ненормальная мать на полном серьёзе соби-

рается впустить в семью постороннего, по сути, совершенно незнакомого мужчину, даже не посоветовавшись со своим несчастным ребёнком.

И ладно бы я любила Селивёрстова и действительно хотела бы создать с ним семью. Нет, я ненормальная, любила моих собак, и была готова идти ради них на любые жертвы! А сегодня я на полном серьёзе собиралась пожертвовать ради собак ещё и моим ребёнком!

И только сейчас до меня дошёл смысл слов Гавриловны, которая однажды сказала, что если я всё равно готова жертвовать собой, то делать это следует без ущерба для себя и Сони. Только сейчас я осознала, какая же я идиотка, если всерьёз собралась довериться постороннему человеку сама, и доверить ему свою маленькую девочку. А если и Селивёрстов окажется тираном, извращенцем или насильником? А если он алкоголик или псих? Мало ли в нашей стране несчастных женщин, которых мужья бьют и унижают? Какое отношение ко мне (и моей дочери) будет у этого человека, если он с первых минут понимает, что покупает меня? Не исключено, что он будет относиться к нам с Соней, как к вещам!

Я, действительно, сошла с ума, если всерьёз собралась ему звонить!

Если я прямо попрошу о помощи Виктора, он обязательно поможет, и мне не придется ничем жертвовать, кроме собственной гордости, (от которой, итак, мало что осталось, раз я собралась продаться постороннему мужику!). Но главное, что и мои собаки, и моя дочь под покровительством Беркутова будут в полной безопасности. Да и меня саму бывший муж никогда не обидит.

Тогда, почему я такая упрямая дура?

«Алька, звони своему Беркутову!», — слова Гавриловны, сказанные уже неоднократно на протяжении последних лет, именно в тот день засели занозой в моей голове, на время вытеснив из неё даже текущие проблемы питомника.

Тогда, впервые за последние годы, я нашла в себе силы признаться, что готова позволить Виктору вернуться в мою жизнь. В любом статусе.

«Ну и что, что теперь он женат!» — с вызовом самой себе думала я, отчетливо понимая, что готова стать даже его любовницей (если ему это ещё нужно). — «Если Беркутов желает меня получить, значит он меня получит! Он получит! А не какой-то чужой мужик, шантажирующий меня арендой в колхозе!»

Это была первая трещина в моей броне. Вспышка-осознание собственной многолетней глупости! Внезапное прозрение, заставившее меня остановиться и прекратить затянувшийся бестолковый бег по кругу. Остановиться, осмотреться и начать думать. Думать головой, а не эмоциями обиженной в прошлом женщины. Пять лет прошло, сколько можно жалеть себя и продолжать пестовать своё идиотское упрямство?

— Мамочка, бабушка Вера прислала нам с тобой приглашение на свой юбилей в следующую субботу, — радостно сообщила мне Сонечка, когда я, спустя два дня, снова позвонила Гавриловне, чтобы узнать, как у них дела.

Моя бывшая свекровь, Вера Александровна Беркутова, была по истине уникальной женщиной, умудрившейся совместить в себе образ светской дамы и достойной представительницы богемы, являясь одновременно строгим профессором филологии, а также, авторитетным литературным и театральным критиком, мнение которого ценно и значимо. Поэтому, и окружение у моей свекрови было соответствующее. Она была настоящим украшением старой советской интеллигенции, но, при этом, сумела остаться прекрасным добрым человеком. В отличие от моей собственной матери, пять лет назад Вера Александровна была шокирована и возмущена поступком своего любимого сына, и ей даже в голову не пришло скрывать своё отношение к

ситуации или как-то оправдывать моего бывшего мужа. Она долго не могла простить Виктору наш развод и прижитого на стороне ребёнка.

С бывшей свекровью у нас сохранились очень теплые и дружеские отношения. Она каждый год настойчиво приглашала меня на свой день рождения, но я твердо отказывалась, честно объясняя ей, что мне будет неловко в компании Виктора и его младшей дочери (а позже, ещё и его новой жены). Последнюю причину я, разумеется, не озвучивала, но Вера Беркутова и сама была весьма умной и тактичной женщиной. Она лишь тяжело вздыхала, но никогда не настаивала.

— Вера Александровна, поймите меня правильно...

— Понимаю, девочка моя дорогая, — вздыхала бывшая свекровь. — Понимаю, милая. Я сама не могу простить ему его опрометчивого юношеского беспутства. Но если передумаешь, знай, Алечка, я всегда буду счастлива тебя видеть.

В других обстоятельствах я была бы рада столь удачному стечению обстоятельств, поскольку для встречи с Виктором приглашение на юбилей к его матери было весьма кстати. И в другой ситуации я бы немедленно приняла это приглашение, особенно сейчас, когда задвинула подальше свои обиды и гордость, и решила бороться за своё будущее, (а также, за будущее моей дочери и моего питомника).

Но только теперь всё изменилось. Точнее, изменилась я, причём не в самую лучшую сторону. Во мне внезапно проснулась *женщина*, которая возмущенно запротестовала, заявив, что я не имею права выходить в свет напрямиком из колхозного питомника. В тот момент лишь мельком кинув взгляд на собственные руки, я внезапно вспомнила, как отвратительно и замурзано сейчас выгляжу (причём, я вся, а не только мои неухоженные руки). Я никогда не смогу появиться в приличном обществе, особенно в обществе бывших родственников (и нынешних доброжелателей) в таком непрезентабельном виде. Я никогда не позволю себе появиться на глаза Беркутову потрёпанным и неопрятным чучелом (тем более, на радость ухоженной Нинель). А на приведение себя в порядок (и достойный наряд) у меня просто не было сейчас средств.

С другой стороны, я отчётливо понимала, что не имею права упускать такой шикарный шанс, как предстоящий юбилей свекрови, весьма удобный для встречи с Виктором на предмет моей просьбы о помощи.

— Не знаю, детка ..., — начала было я, но Соня меня перебила.

— Папа просил передать, что будет очень тебя ждать! У него к тебе важный разговор...

В те времена у людей не было персональных мобильных телефонов в каждом кармане, поэтому они назначали друг другу встречи для важных разговоров. И меня совсем не удивил тот факт, что Виктор передал просьбу через нашу дочь. Более того, я была благодарна, что он не приехал поговорить лично, потому что я не готова была появляться перед мужем (пусть и бывшем) в таком ужасном виде, как сейчас.

— Папа так сказал? Ты уверена? — спросила я у дочери предательски дрогнувшим голосом.

Это что? Очередная трещина в моей броне? Или мне просто потребовалось время длиною в пять лет, чтобы окончательно повзрослеть и перестать муссировать старые обиды? Или же я просто смирилась с тем, что случилось с моей семьёй и поняла, что жизнь гораздо многограннее и сложнее моих обид и разочарований?

Нет, все было гораздо проще и прозаичнее. Просто я нашла в себе силы признать, что не справляюсь сама, без Беркутова. Мне отчаянно была необходима его помощь. А раз так, значит наш *важный разговор* должен состояться.

— Соня, скажи, а Нинель тоже будет на юбилее твоей бабушки? — осторожно уточнила я у дочери.

— Нинель? — кажется, Соня была по-настоящему удивлена моим вопросом. — Нет, конечно! Это же бабушкин праздник! А бабуля её терпеть не может!

— А твой отец разве не против такого отношения Веры Александровны к Нинель? — не удержалась я от очередного бестактного вопроса, понимая, что поступаю неправильно, вмешивая ребёнка во взрослые дела.

— Мама, — неожиданно ехидно усмехнулась в трубку моя как-то незаметно повзрослевшая дочь. — Отец не может терпеть Нинель ещё сильнее, чем бабушка Вера. И знаешь, что мама, — добавила Соня, — по-моему, он всё ещё очень любит тебя. Прошу тебя, давай пойдём на бабушкин юбилей, и вы просто поговорите! Кстати, подарок от нас с тобой мы с папой уже купили!

Маленькая моя, когда же ты успела вырасти?

— Настя, — все же спросила я в тот день Гавриловну, — скажи, у тебя есть деньги взаймы? Мне много надо...

С деньгами тогда у всех были проблемы, но не спросить я не могла.

Раз Беркутов просил нашу дочь передать, что он будет ждать меня и хочет поговорить о чём-то важном, значит мне было жизненно необходимо привести себя в порядок! В чём бы не заключался смысл планируемого им «важного разговора» я должна быть во всеоружии и выглядеть, как королева!

— Есть, конечно, — понимающе хмыкнула Гавриловна. — Андрюшке на свадьбу откладываю. Приезжай, бери, сколько нужно.

Андрею Ланевскому, единственному сыну моих друзей, в ту пору было лишь семнадцать лет, и он как раз оканчивал школу. Жениться пока (по моим сведениям) в ближайшие годы этот смыслённый парень не собирался, поэтому была надежда, что до его свадьбы я успею с ними рассчитаться.

Долгое время я не подозревала, что в тот день Гавриловна меня обманула, так и не признавшись, что деньги на «красивые платья» предусмотрительно и заранее передал для меня и Сонечки Виктор Беркутов, лично и предельно честно объяснив моей близкой подруге с какой целью он это делает.

«Я обязательно должен вернуть её. Помогите мне, Настя, прошу вас...»

Лишь спустя год, когда я попытаюсь вернуть ей долг, Гавриловна признается мне в том, что отдала мне тогда не свои деньги, а деньги Беркутова, которые именно для этих целей принёс ей Виктор.

«Ты бы тогда опять на дыбы встала и гордость свою дурацкую включила. А он ведь понимал, что ты абы как на людях не покажешься. А для того, чтобы красоту навести — деньги нужны. Боялся, что у него не возьмёшь, вот меня и попросил передать...».

Виктор Беркутов слишком хорошо меня знал, и всё заранее предусмотрел, и обо всём позаботился. Но тогда я об этом даже не подозревала.

В тот день, получив заверения подруги в том, что деньги на «красоту» она мне с радостью одолжит, я, неожиданно для себя вдруг ощутила нестерпимое желание привести себя в порядок и вновь почувствовать себя ухоженной, молодой и красивой женщиной, уверенной в себе и желанной.

«Папа просил передать, что будет очень тебя ждать». Эти слова Сонечки не выходили из головы весь день, и часть ночи, пока я металась в размышлениях и сомнениях, на время забыв о проблемах питомника и думая лишь о нём (точнее, о нас).

Тогда мне казалось, что я ещё сомневаюсь, и что всё ещё не приняла окончательного решения. Но на самом деле эти слова бывшего мужа, переданные им через нашего ребенка, всё-таки пробили очередную, глубокую трещину в моей броне.

Окончательно же моя многолетняя броня лопнула (с громким яростным треском и вдребезги!) уже на следующий день, в связи с неожиданным визитом в наш колхоз красавицы Нинель.

Глава 8. Про Нинель

Алевтина

Подмосковный колхоз, конец 1980х.

Наверное, новая жена Виктора, в отличии от меня, была женщиной умной, предусмотрительной и не слишком шепетильной. Полагаю, она очень любила себя и своё положение в обществе. И очень не хотела терять из-за меня своего мужа и свой стабильный статус. Но по каким-то, пока неведомым мне причинам, она разглядела во мне реальную угрозу, соперницу и конкурентку. Только этим я могу объяснить себе её неожиданный визит в наше захолустье.

Нинель явилась в колхозный питомник буквально на следующий день, и своим появлением и потрясающим внешним видом внесла слишком явный диссонанс в окружающую меня убогую действительность.

Я же в тот день окончательно очнулась, тоже с недоумением глядя на себя со стороны, и с ужасом осознавая, в кого я превратилась в этом колхозе.

Нинель, грациозно выбравшаяся при помощи водителя из черной блестящей иномарки, застала меня с лопатой посреди грязного ангара в то время, как я убирала старые и раскидывала новые опилки для собачьих подстилок.

Оказывается, это очень мерзко внезапно осознать, что живёшь не своей жизнью. Что моё место в салоне дорогого автомобиля с водителем, а не на колхозном дворе с тяжелой лопатой.

Но я же сама выбрала эту жизнь! Кого теперь винить?

Здесь не винить нужно, а признавать ошибки, извлекать уроки и исправлять ситуацию! Причём срочно!

Почему-то вдруг в голове возник образ Гавриловны, которая, ехидно подбоченившись, выдала в своей излюбленной манере: «Как выбрала, так и передумала!»

Я передумала! Посмотрела на ухоженную и холёную Нинель, и окончательно передумала.

— Так это ты — бывшая моего мужа? — брезгливо поджав ярко накрашенные губы, не поздоровавшись и делая вид, что не узнаёт меня, спросила Нинель.

Помнится, в тот, прошлый раз, в Детском мире, когда она сама подошла знакомиться и «обрадовать» меня своим браком с Беркутовым, эта женщина вела себя гораздо приличнее, играя в вежливость. Возможно, это было связано с присутствием при разговоре маленькой Зинаиды, возможно, с тем местом, где мы тогда случайно встретились (все же торговый центр на Лубянке — это не колхозный двор). Сейчас Нинель не скрывала своего ко мне отношения, пренебрежительного и брезгливого, словно я — оборванная побродяжка в грязной подворотне.

Красивая, нахальная, самодовольная, дорого одетая стерва, которая одним своим видом пыталась меня унижить. Она стояла напротив меня, (только что вышедшей из собачьего вольера, где я помогала колхозному ветеринару вакцинировать собаку после операции), и зло-радно ухмылялась. На мне был грязный рабочий халат, ватный тулуп, небрежно накинутый сверху, кирзовые мужские сапоги и несвежий платок на голове, прикрывавший давно не мытые (за неимением горячей воды) волосы. Я была уставшей, голодной и очень злой. А на контрасте с этой шикарной дивой, ещё и старой, неухоженной, деревенской бабой, которая ей в подметки не годится.

Необъяснимый парадокс, но именно в тот момент в моей душе окончательно проснулась *Женщина!* Не смиренная жертва обстоятельств, покорно принимающая удары судьбы! Не дура набитая, которая назло своему бывшему готова угробить собственную жизнь и будущее своего

ребенка! Во мне, наконец, проснулась та женщина, которую долгие годы пыталась разбудить во мне верная и мудрая Гавриловна, (и даже та, до которой безуспешно пыталась достучаться моя мама). Наконец-то пробудилась сильная, уверенная в себе, в меру циничная, эгоистичная, прагматичная и самодостаточная особа, знающая себе цену, осознавшая, чего она хочет от жизни и готовая дать жестокий отпор каждому, посмевавшему вытирать об неё ноги.

Я вдруг вспомнила, какой очаровательно-юной и наивной была, когда пленила Беркутова! Я осознала, какая я сейчас, сильная, стойкая, гордая, несгибаемая! Я поняла, что никогда не позволю дешёвым профурсеткам (что бы они о себе не мнили) унижать меня, или презирать за честный труд. Красота и дорогие тряпки — это только внешняя, безусловно важная, но лишь малая часть (причём, легко восполнимая). Но у меня, у Алевтины Беркутовой, теперь было гораздо больше: у меня теперь был внутренний стержень — моя надежная опора от любых жизненных катаклизмов! И я не собиралась позволять всяким мерзавкам указывать, где моё место. У меня только одна жизнь, чтобы позволять кому-то её портить.

Теперь у меня не осталось никаких сомнений в том, что я использую шанс, который подарила мне судьба. Я встречу с Беркутовым, раз он этого так хочет! Я с радостью выслушаю все его предложения! А потом, скорее всего, соглашусь на них!

Этот жизненный урок дался мне слишком дорогой ценой, чтобы я его не выучила. Это в тетрадке у девочки-отличницы всё было идеально и существовал лишь один правильный ответ на предложенную учебником задачку. В жизни всё сложнее, и совсем не идеально. Реальная жизнь не терпит отличниц и идеалисток, она их уничтожает (точнее, они уничтожают себя сами, не выдерживая конкуренции с такими наглыми и беспринципными стервами, как Нинель). И выбор лишь за отличницами, молча страдать, принимая удары судьбы, и безуспешно стремиться к идеалу, либо взять судьбу в свои руки, признать свои (и чужие) права на ошибки и начать действовать.

Это у маленькой наивной перфекционистки-Алечки в жизни было всего два цвета: чёрный и белый. А нынешняя Алевтина Беркутова, спустя пять лет после развода, стала взрослее, умнее и мудрее. Она поняла, что жизнь полна разных красок, оттенков и полутонов. И выбор лишь за ней! Позволить ли жизни стать разноцветной и полноценной, или продолжить упрямо мучиться в чёрно-белом варианте своей личной драмы.

«Ты не золотой червонец, чтобы всем нравится!» — любила часто повторять покойная Светлана Григорьевна. — *«О себе думай, дурёха...»*

Спасибо, ехидной змеюке Нинель, остро желающей меня унижить. Сама того не подозревая, она получила совершенно обратный результат. Она меня разозлила! А я вдруг сделала неожиданное для себя открытие. Оказывается, здоровая злость придаёт сил и заставляет мыслить и действовать конструктивно. Однажды, спустя много лет, я научу этому простому приёму мою внучку Анечку, чтобы моя милая девочка тоже умела мобилизовать силы и давать противникам достойный отпор.

А пока я поражалась самой себе! Вот оно, необъяснимое противоречие моего характера! Непоследовательность решений и совершенное отсутствие логики и здравомыслия! Он много лет уговаривал меня вернуться, но я упрямо не соглашалась, пестуя свою обиду, гордость и находя себе сотни причин, почему он меня не достоин. А сейчас, глядя на его роскошную жену (которая пока не понимала во что именно она, бедняжка, вляпалась), я решила, что соглашусь на все его предложения, и поверю всем его обещаниям только ради того, чтобы поставить на место эту зарвавшуюся шавку, которая уверена, что она лучше меня, и имеет право насмехаться надо мной, явившись сюда в самое неподходящее время.

Всё, Аля, стоп машина! Хватить страдать! Пять лет — явный перебор. Пришло время напомнить всем обнаглевшим сукам, кто такая Алевтина Беркутова!

— Нет, я не бывшая твоего мужа! Я его настоящая и единственная! — со спокойным достоинством ответила я.

И вернув обалдевшей от моих слов Нинель презрительный взгляд, я, не давая ей возможности ответить, молча направилась по своим делам.

Вот она, загадка женской логики, не поддающаяся прогнозам, оценкам или пониманию. Злой азарт, как жизненная потребность обыграть соперницу. Кто сказал, что у меня нет ни сил, ни времени, ни желания на кардинальные перемены в жизни и внешние преобразования из золушки в принцессу? Ха!

Считается, что женщины способны на чудеса преобразования ради мужчин.

Нет! И ещё раз, нет! Это огромное заблуждение, прочувствованное мною на самой себе!

Мужчины в этой системе житейских соревнований вторичны! Женщины способны на настоящие чудеса преобразования вовсе не ради мужчин, (иначе бы каждого парня дома ждала королева!).

Мы, женщины, способны на истинные подвиги кардинальных изменений ради других женщин! Точнее, ради волшебного чувства явного конкурентного превосходства от неприкрытой зависти заклятой подружки или опасной соперницы. Лишь во имя противостояния с другой женщиной, в стремлении утереть ей нос и доказать, что из вас двоих лучшая — это ты, мы и способны творить чудеса, преобразаться, меняться, удивлять, покорять и восхищать.

Именно Нинель, с её брезгливо поджатыми губами и гипертрофированным презрением на хорошенькой мордашке, стала последним брошенным в меня камнем, вдребезги разбившим мою броню от Виктора Беркутова. Это я отчётливо осознала гораздо позже, потом, спустя годы, став взрослее, мудрее и честно признав скрытые мотивы собственных решений.

А тогда я об этом не думала, не вникала в причины, не искала мотивы. Я просто позволила адреналиновому шторму вынести меня на поверхность из пучины моих затянувшихся обид, глотнуть чистого воздуха и окончательно сменить жизненные приоритеты. Я приняла решение круто изменить свою жизнь и свернуть, наконец, с дороги, ведущей меня в никуда. И случилось это как раз в тот знаменательный день, именно благодаря идиотской попытке Нинель унизить и оскорбить меня.

Так тоже бывает, девочки! Иногда, нам остро необходимо получить мощный пинок под зад, чтобы очнуться и начать действовать!

И сейчас, спустя годы, я даже искренне благодарна этой женщине за её демонстративную выходку и тот неразумный визит в колхоз, а судьбе и жизни — за доходчивый и полезный урок. Очень благодарна потому, что однажды мне придётся учить чему-то подобному мою внучку Анечку, чтобы и её внутренний стержень не сгибался (и не ломался) под тяжестью жизненных катаклизмов, человеческой подлости и невыносимой боли предательства. Мне придётся учить мою девочку быть сильной, чтобы ни одна тварь не воображала, что смеет унижать или жалеть её, вытирать об неё ноги или учить, как ей жить. Однажды, мне самой придётся учить мою внучку с гордо поднятой головой смотреть в глаза своим врагам, и своим страхам, и с достоинством принимать удары судьбы.

Виктор
Москва, конец 1980х.

— Виктор, твоя бывшая жена совсем обнаглела! Знаешь, что она мне сегодня заявила?

Нинель разъярённым вихрем ворвалась в мой домашний кабинет, даже не сняв верхнюю одежду, настолько она была не в себе.

А я от неожиданности даже закашлялся, услышав про бывшую жену из уст бывшей любовницы. Уже три года как бывшей!

Аля в Москве? Нинель виделась с ней? Зачем? Кто из них кого встретил? И какие у них могут быть общие темы для общения?

Судя по реакции Нины, темы были не слишком приятные!

Ещё несколько лет назад я бы, наверняка, начал орать, требуя от наглой няни ответа на вопрос о том, как Нинель вообще посмела заговорить с Алевтиной. Но теперь, зная эту хитрую дрянью, я стал умнее и сдержаннее. А ещё матушка очень настойчиво просила меня избавиться от неё без скандала.

И сейчас, в свете заявления Нинель, мне было необходимо, чтобы она сама изложила мне подробности встречи с моей женой. Чтобы я мог подготовиться к неожиданностям, поскольку юбилей матери был уже близок, и превращать его в постыдный балаган, в котором жена и любовница выясняют отношения, я не планировал. Поэтому, я небрежно откинулся на спинку кресла и спокойно произнес:

— Я весь внимание. Что случилось? Алевтина вернулась в Москву?

— Нет! — взвизгнула Нинель. — Я была у неё в колхозе! В этом мерзком грязном питомнике.

— Зачем?

Кажется, нахалка уже и сама поняла, как сильно она оплошала, признавшись мне в том, что ездила в колхоз по собственной инициативе. Мы оба сейчас понимали, что её визит к Алевтине не мог быть случайным, и оба понимали, зачем именно она туда поехала. Поэтому, придумать достойное и вразумительное оправдание своей выходке, вот так сходу, Нинель не смогла.

— Я просто хотела тебе помочь, уберечь семью от позора. Я понимаю, что она мать Софии, но ей не следует являться на юбилей Веры Александровны. Я надеялась тактично объяснить ей, настолько неуместным будет её присутствие в обществе. Она не нашего круга, и выглядит как... колхозница. Вере Александровне, Сонечке, да и тебе самому, будет неловко за неё перед гостями.

Господи, куда катиться мир?! Прислуга семьи Беркутовых заявляет, что Алевтина Беркутова не её круга. Как я мог допустить этот безумный абсурд?!

— Тактично объяснить? Ты?

Я слишком хорошо понимал, чего именно хотела Нинель, разодевшись ради визита в колхоз так, словно была приглашена на приём в посольство. Она надеялась унижить Альку, показать ей, что место рядом со мной занято молодой роскошной женщиной! И что Алькино место отныне в колхозе!

Так, спокойно! Я сейчас поеду туда и сам поговорю с Алевтиной. Неужели я позволю какой-то мерзавке интриговать за моей спиной и рушить мои планы вернуть жену?

Я уже даже поднял телефонную трубку, чтобы набрать моего водителя и предупредить, чтобы не загонял машину в гараж, когда Нинка заставила меня передумать.

— Виктор, она сказала, что она «не бывшая», ты представляешь?

Что она сказала? А вот с этого места поподробнее!

— Так и сказала? — спросил я, кладя телефонную трубку обратно на рычаг и пытаюсь держать себя в руках, чтобы мой голос звучал равнодушно-насмешливо, а глаза не выдавали жадный блеск.

Потому, что мне отчаянно хотелось вскочить и, схватив Нинку за плечи, сильно встряхнуть эту дуру, чтобы вытрясти из неё всё, что говорила Алевтина.

— Да, — возмущенно взвизгнула Нинка. — Я, говорит, «не бывшая»! Я его «единственная»!

Девочка моя ненаглядная! Ты, действительно, так сказала? Это лучшая новость за последние пять лет!

Я растерялся настолько, что запустил пальцы в волосы и, кажется, забыл про Нинку.

— Виктор, чему ты улыбаешься? Это возмутительно! — истеричный голос Нинель вывел меня из задумчивости.

— Нет, — возразил я, не в силах сдержать улыбку и не видя больше смысла притворяться перед Нинель. — Это прекрасно! Раз Алевтина так сказала, значит, это чистая правда!

Я знал, о чём говорю! Я знал мою Альку! Если бы она сама так не думала, то никогда не произнесла бы вслух ничего подобного! Даже ради того, чтобы просто позлить Нинель. Алька слишком себя уважает, чтобы раскидываться подобными словами.

Господи, неужели дождался? Неужели одумалась? Так вот ты какое, счастье! — мечтательно улыбнулся я, уже не скрывая отличного настроения.

— Но . . . , — а вот теперь до Нинки, кажется, дошло.

Да нет, дошло до неё давно. Иначе не поехала бы она в колхоз, отговаривать Альку от встречи со мной. Нинка баба хитрая и умная, (хоть и дура). Она всегда знала, как много значит для меня Алевтина. Не спроста же она так суетится, что начала делать откровенные глупости (вроде этой поездки в питомник). Нинель уже месяц не в себе, сильно нервничает и мечется. Особенно после того, как после возвращения из Европы я поселился у матери, ни разу не навестив теткинину квартиру и Нинкину постель. Решил не усложнять себе жизнь, и правильно сделал. Но Нина, вероятно, всё ещё на что-то рассчитывает.

— Виктор, а как же мы? — возмущенно воскликнула Нинель, подтверждая мои опасения. — Наши с тобой отношения? Мало того, что меня не переносит твоя мамаша, так ты ещё и свою бывшую решил в дом притащить? Я вообще-то воспитываю твоего ребенка!

Кажется, эта странная женщина всё перепутала потому, что, по какой-то неведомой причине, ведёт себя, как законная жена! И претензии предъявляет соответствующие! Настолько сильно вжилась в роль, что поверила в собственные нездоровые фантазии стать Беркутовой? Хотя я сам виноват! Распустил!

— Нинель Аркадьевна, всё это время вы воспитывали моего ребенка за неплохие деньги, и прекрасно жили на полном обеспечении моей семьи, ни в чём не нуждаясь. Что касается наших отношений, то они давно в прошлом. Те несколько мимолетных эпизодов три года назад отношениями я не считаю. Мы с тобой просто переспали, Нин. Так бывает, когда два свободных взрослых человека скрашивают друг другу ночи. Если ты после этого вообразила, что у нас серьёзные отношения, это не моя проблема. Я ничего тебе не обещал.

— Зиночка мечтает, что однажды мы все станем одной семьей. Она зовёт меня мамой и хочет, чтобы мы втроём жили вместе! Как ты можешь, Виктор?

— Зиночка всегда мечтает о том, что нужно тебе, — усмехнулся я. — Неужели ты всерьез думаешь, что я буду прыгать вокруг Зиночки, как дрессированная болонка, исполняя все её прихоти? Ты заигралась, Нин. Думаю, что Зиночке давно пора учиться самостоятельности. Без няни она сделает это гораздо быстрее. Ты уволена.

— Что? Да как ты . . . ? Я всё расскажу твоей Алевтине, — внезапно злобно прошипела Нинель. — Посмотрим, как твоя ненаглядная жена обрадуется тому, что ты спал с няней своей дочери.

Я усмехнулся и уперся подбородком в сцепленные в замок ладони.

— Мы с Алевтиной пять лет в разводе, Нин, — насмешливо напомнил я. — Вряд ли она рассчитывает, что все эти годы я хранил ей верность. И если ты всерьез рассчитываешь распустить язык и шантажировать меня нашей прошлой связью, то лучше подумай о том, что после увольнения тебя не пригласят работать ни в одну приличную семью, зная что ты имеешь склонность спать с своими работодателями. Ни одна здравомыслящая женщина не подпустит тебя даже на пушечный выстрел ни к своим детям, ни к своему мужу. Лично мне твой длин-

ный язык и пикантные сплетни уже не навредят. Я одинокий и свободный человек. В глазах общества мне совершенно прощительно иметь свои маленькие слабости. После появления на свет Зинаиды и скандального развода, моей репутации уже хуже не станет. А вот свою ты разрушишь до основания. Поэтому трижды подумай, прежде чем открывать свой рот.

Нинка аж в лице изменилась, вдруг осознав масштаб проблем для себя лично в том случае, если она начнёт сплетничать и продолжит мне угрожать. Всё-таки у неё хватило мозгов, чтобы понять очевидное: у меня гораздо больше сил, возможностей и ресурсов для того, чтобы испортить ей жизнь, в случае, если она не успокоится.

— Ты бесчестный человек, совратитель и обманщик! Достойные мужчины после такого женятся! — пафосно заявила Нинель, вскинув подбородок и промокнув платочком уголок сухого глаза (на маменьку мою насмотрелась, интеллигентную даму из себя корчит! Смешно!). Но главное, что она абсолютно верно меня поняла. И никаких иллюзий на мой счёт больше не питала.

— Ну, — протянул я насмешливо, — если следовать твоей логике, то вставай в очередь. Потому, что претенденток на замужество (и до тебя, и после тебя) очень много.

Угу, только ни одна из них Алевтине и в подмётки не годится!

Я дал Нинель три дня, чтобы собрать вещи и съехать с тётушкиной квартиры. Зинаиду на это время я забрал в дом моей матери. Я даже попытался сам поговорить с дочерью и объяснить ей моё решение. Но Зина не желала слушать, билась в истерике и угрожала прыгнуть с крыши, если я уволю Нинель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.